

ПРОЛОГ

Уж если не везёт, так с самого начала. А к девчонке жизнь повернулась не тем местом прямо с рождения. Мамка-то её долго разрешиться не могла. Акушерка и так и этак старалась – ну не идёт! А операций на посёлке не делали. Еле-еле выдавили на свет малую. Слабенько так запищала.

– Ох, слава богу! – утерла акушерка пот со лба. – Жить будет!

При осмотре, наткнувшись на маленькую приметную родинку на ручке новорожденной, сказала:

– Гля-ка! Звёздочка. Счастливой, видать, будет!

Мать устало улыбнулась.

– Как назовёшь-то девку?

– Матильдой, – гордо заявила новоиспечённая родительница.

– Эвона! – удивилась тётка. – Куда ж ей с таким именем?

– Хочу, чтоб лучшее ей досталось. Пусть вырастет красивой, как это имя!

Да только материнские благодеяния этим подарком и ограничились. Через пару дней мать померла, и осталась девочка на бабушку Марью и деда Гаврилу. Отца-то и не знали. Бабушка Марья женщиной была крепко природой задуманной. Коренастая её фигура сразу внушала некоторое благоговение. Работа в её руках, можно сказать,

горела. Да и не стара совсем, едва в возраст ягодный вошла, а статус на бабушку уж поменяла. Вышло, что и мамкой для внучки стать пришлось в один срок. Дед Гаврила погоревал тоже по дочке единственной. А куда деваться? Теперича навроде младшенькая дочка в семье появилась. Хорошо, что старшая её заместо себя оставила! Не случилось под старость бездетствовать.

37

Как выяснилось после, не все это беды были. Заметила бабушка Марья, что медленно дитя развивается, не как остальные. Соседская Василина-то, тремя годами старше, смышленная росла да ладная. А свозили в ближний город внучку, и доктор сказал, что головку родами испортили, так что будет девка дурочкой.

Опечалилась бабушка. Ну да на посёлке чело века можно не только умом приспособить. Мало ли дела? На огороде – так почитай от снега до снега. Зачем тебе там ум-то? Руки надобны. А внучку она для краткости Мотькой звала. И, действительно, как покличешь её-то именем? Выйдешь на двор, крикнешь: «Матильда!», а к тебе откуда-нибудь из стайки этакое дурище катится – засмеют! Да и лицом не вышла, так, воробышек серенький.

Вот и прилипло к ней имя Мотька, будто лист банный. Посёлком так и звали её. Посмеивались, конечно, но бабушку Марью все уважали. Горю не выбирает, на кого свалиться, да и грех – над блажной потешаться!

1. РАСПАХНУЛИСЬ СТРАНИЦЫ

1

Четырёх годков от роду пошла Мотька в сад вместе с другими поселковыми детьми, как раз говорить нормально выучилась. Василина той порой в первый класс отправилась. Ох и завидовала ей Мотька! Форма нарядная, в красно-синюю клетку, блузка белоснежная, с фонариками на плечах. А банты-то! Ну чисто бабочки две белые с лазоревой каёмочкой по краешку!

Мотька губки надула:

– Бабка Марья! Василинка-то какая! Новая вся!

– Дык и из тебя песок не сыплется. В садик идёшь!

– А Василинка-то, как большая, – в школу. Я тоже хочу!

– Рано тебе, Мотька, ещё. А Васька-то не большая, а старая для садика. Не пустят её туда. А ты у меня наливная, в самый раз!

– А платячико у неё вона какое! И бантики!

– У тебя что, хуже? – обиделась бабка. – В цветочек красивенький, а банты нашто тебе? Волосики у тебя хорошенькие, кудрявенькие, – погладила она внучкину чернявую головку.

– Всё равно, – топнула ножкой та, – бантики хочу, как у Василинки!

– Мы тебе бойчей справим, – успокоила бабка. – Один, зато красненький, чисто мак в огороде.

На том и порешили. Пошла Мотька в первый день с огромным алым бантом на макушке. Подбегала к детям в группе по очереди: то в глаза преданно заглянет, то голову наклонит, чтоб им виднее было, – так никто внимания и не обратил. Потом подобралась, понурившись, к воспитательнице:

– Нравится мой бантик?

Та всплеснула руками:

– Ой, красота какая! Чисто цветок!

Вечером пришла за ней бабка Марья, а Мотька ей с порога:

– Воспиталка меня теперь любит! – обняла бабку и добавила: – Говорила же, с бантиком надо!

В садике Мотьке больше всего сон-час нравился и каша. Дети не спали, болтали потихоньку, пока воспиталка не прикрикнет. У бабки Марьи строго заведено было ложиться днём, так что привыкла внучка. А каша вкуснее была

в саду, масла больше. И молоко горячее пила с удовольствием. Дети морщили носы, увидев пенку. Мотька сначала с интересом наблюдала, как та зыбится на пару, потом вытаскивала её пальцами, клала на язык и уж затем принималась за молоко. Иногда и у других пенку съедала.

Самым трудным делом были занятия. И зачем только их придумали? Дети в садике играть должны. Буквы Мотька совсем не понимала: «Так, закорючины некрасивые! Наверное, врёт воспиталка, что они в слова складываются, а потом – и в сказки?! Просто знает она их много и рассказывает, как по телевизору. А детям, невесть, к чему, даёт эти корючины писать».

Некоторые (наверное, воспиталке понравиться хотели) изображали, что уже и читать выучились. Вовка Сенчуков даже про курочку Рябу сказку пересказал! Еленсанна (так воспиталку звали) аж в ладоши захлопала. Если бы Мотьке такую память на сказки! Как она их любила! И воспиталка бы улыбалась ей, и Вовка похвалил бы, наверное, её бантик и платьишко.

«Афметика» (так Мотьке запомнились начальные занятия математикой), честно сказать, даваться ей не спешила, но до пяти считать девчонка всё же выучилась. Знала наверняка, что пальцев на руке пять, даже каждый под своей цифрой идёт.

Еленсанна спрашивала:

– А на другой руке?

Мотька складывала вместе ладони так, чтобы пальчики рук соприкасались, и понимала, там – столько же.

Воспиталка довольно улыбалась и говорила:

– А вместе сколько?

– Пять и пять, – уверенно отвечала девчонка.

– Почему? – удивлялась та.

– Это же совсем другие пальчики, – как глупенькой, объясняла ученица.

Дети засмеялись, а Вовка ткнул в неё пальцем и сказал:

– Мотька – дурочка!

Так прозвище и в садик перекочевало, потому что Вовка был самый умный. Рисовать Мотька любила. Правда, Еленсанна говорила бабке Марье:

– У неё что конь, что собака, что дед Гаврила – всё одно. Только цветочки получают.

Цветы девчонку всегда завораживали. Она могла часами сидеть на лугу или на игровой площадке и «заглядывать цветочкам в глазки», как

35

она говорила. Однажды в огороде распустился большущий жёлтый цветок с коричневой серединкой. Бабка Марья сказала, подсолнухом зовётся. Дед Гаврила потом объяснил, что под солнышком растёт, потому имя ему такое. Внучка задумчиво подняла глаза на небо. Она-то не сомневалась, что солнце – тоже цветок, только очень преогромнейший. Его не то что в веноч не вплетёшь, даже руками не обхватишь. Дед Гаврила тоже не сможет, а у него ох и ручищи!

На все вопросы бабка Марья отвечала: «Тетёха ты моя! Иди лучше козу подой!» А дед, он добрый! По головке кучерявой её гладил и подолгу говорил с Мотькой, а ещё дудку ей сделал и вертушку ветряную. По осени из подсолнуха семечки вкусные грызли. «Вот интересно, какие у солнца семечки?»

А в садике сказывали, что мальчики от девочек отличаются. Из них потом мужчины вырастают, вроде деда Гаврилы, и женщины, как Еленсанна. «Оно, конечно, раз Вовка Сенчуков бантики не носит, как из него воспиталка получится? На деда больше похоже. Но вот как Василинка в бабу Матью превратиться может? Не верится! Ну никак!»

А однажды Вовка и другие пацаны зазвали Мотьку к себе в туалет и говорят:

– А правда, Мотька, у тебя там всё по-другому?

– Как это? – не поняла та.

– Ну под юбкой, – гнул свою линию Вовка.

– Не знаю, – помялась девочка. – У бабки Марьи так же.

– А у деда?

– Я с ним в баню не ходила.

– А ну закажь!

Мотька и задрала подол. Пацаны озадаченно почесали в затылке:

– Да, другие они, девки-то!

Мальчишек понемногу вся группа в туалет набралась.

Проходя мимо, воспиталка и спросила одного:

– Чего столпились-то тут?

– Да Мотька-дурочка всем ж... показывает.

Разогнала Еленсанна пацанов, отругала, а Мотьке строго так наказала, что хорошие девочки этого мальчикам не открывают.

Как узнала вечером бабка Марья, взяла хворостину да так Мотьку отходила, что навсегда отучила другим про себя что-то показывать. После, когда девочка спрашивала про мальчиков, бабка неизменно хмурилась:

– Тыфу ты, срам какой! Иди лучше козу подой!

На том Мотькино половое воспитание и закончилось.

Тем временем окончила соседская Василина началку в посёлке и в среднюю школу в город подалась. Их автобус туда возил, километров за десять. Тут и Мотьке пора пришла школу начинать. Подросла девка, а занятия в садике так ей и не дались.

Ну да с училкой повезло! Грузная Наталья Семёновна всех детей в школе вела (немного их на посёлке-то). С четырёх ступеней чуть больше обычного класса набиралось. Уважали училку и дети, и родители – добрая она! Сразу поняла Наталья Семёновна, что трудная Мотька ученица: послушная, ласковая, но недалёкая. Вроде силится чего-то сообразить, лобик морщит – ан нет! Не входит в головёнку знание!

«Ладно же! – решила упрямая Наталья Семёновна. – Люди всякие нужны. А как им без науки?» И стала она с Мотькой каждый день после уроков заниматься. К Новому году рассказывала внучка бабке Марье, что «эта буква зовётся «бэ», а эта – «а», вместе – «ба». А если два раза повторить, то «баба» получается, бабка Марья, значит». После и «деда» прочитала.

Мир открывался Мотьке по слогам. Как осилила она однажды «Курочку Рябу», тут и поняла, что не врал Вовка в садике, что закорючины в книжке сказку скрывают. И так ей захотелось читать научиться хорошо, что просто спасу нет! Наконец Натальи-Семёновниным терпением и настойчивостью да Мотькиным усердием выучилась девочка к весне беглому чтению. Красиво слова выводила, с выражением. «А как же иначе? Сказка не получится!» Все садиловские книжки перечитала. Дед Гаврила сильно слушать любил.

Бабка Марья, бывало, постоит в дверях и махнет рукой:

– Старый да малый! Неча девке придумками всякими голову забивать! Пушай лучше в огороде работает и по дому хлопочет! Толку больше будет.

– Что ты, бабка, – отвечал ей дед Гаврила, – внученька наша науки узнаёт, а ты – со своим огородом! Пусть себе радуется, пока маленькая! Успеет ещё намыкаться!

Сказки распахивали перед девочкой свои загадочные страницы. Столько там всего происхо-

дило! Мотья представляла себя героиней то одной, то другой сказки, будто в немудрящей её жизни вдруг открылось яркое оконце в дивный настоящий мир. И она читала вслух с упоением, а дед Гаврила неизменно рядом сидел, делал вид, что полезное по дому работает, а сам слушал, слушал. Бабка только пальцем у виска крутила, намекая на обоих.

На окончание первого класса поехал дед в город в магазин большой, где книги продают, и привёз Мотье в подарок толстую книгу сказок со всего света. Уж такая она была красивая и цветная, что внучка, когда не читала, украдкой гладила пальцем картинку, и всё виделось ей, будто и она там где-то бродит среди дремучих лесов в красном сарафане. А Иванушка на то и дурачок, чтобы такую, как она, в дебрях сыскать, от Змея спасти да и жить себе долго и счастливо.

Бежит времечко с камушка на камешек реченькой быстрою. Василина соседская совсем выросла и красавицей сделалась: статная, белокурая, коса до пояса – ну чисто царевна! В девятый класс пошла. Ещё чуть-чуть, и взрослая жизнь подкатится.

Мотья часто с грустью затаённой провожала глазами девушку до школьного автобуса. Только ту и так было кому провожать. Каждый день то один, то другой мальчишка тащил за ней портфель. «Вот бы и мне так!» – думала Мотья. Василина пока ни с одним парнем не задруживала. В посёлке уж кто только не предлагался! «Для царевича себя бережет», – понимала Мотья.

Той порой город десять километров, оставшихся до посёлка, и дошагал. Приехал к ним дядька в пиджаке, собрал всех и объявил, что будут они теперь городские жители, им уже и два дома, друг против друга, выстроены. Инфраструктура вся готова.

– Чой-то? – спросила тётка Дарья.

– Магазины, значит, – разъяснил дядька Фёдор. – А посёлок под снос пойдёт, потому что городу дальше расти надо.

– Да как же это? – всплеснули руками бабы. – А скотину куда?

– Ох и тёмные вы! – ответила соседка Валя, Василенкина мать. – Продадим. В городе не надо уже!

Пригорюнились поселковые: «Как оставишь родные избы, за стены которых держался, поднимаясь в детстве на ножки, да ходить учился?

А огороды? Разве сравнишь их с дачами городских-то? Всё там красиво, как на картинке, а жизни нет. Она ведь не раз от разу случается: и на санках катается, и сено рыжей Зорьке везёт. А кто теперь на пруд утиный чуть свет помчится зарю встречать?» Да ничего не поделаешь! Их-то не спросят. Бери квартиру, пока дают, а то и вовсе без крыши останешься! Сказывали, в одной деревне некоторые жители никак переселяться не хотели, так всем дома в ночи пожгли. Насилу спаслись! Прогресс называется.

Люди скотину, скрепя сердце, продали, связали узлы, собак да кошек с собой взяли – куда ж их? – и двинулись в новые обиталища. Стоят себе две высотки, будто колодец глубокий от земли до неба врезали да решили весь посёлок туда затолкать. Говорят, из колодца звёзды виднеются, только разве в городе разглядишь? Квартиры-то хорошие, просторные дали: у каждого – по своей комнате, а ещё гостиная и кухня. А всё ж не то раздолье, что на посёлке. Вдохнёшь городского воздуха и такую тоску почувешь, будто Родину отобрали.

А тётка Валя и Трезора старого решила оставить на месте брошеном. Долго и горестно смотрел он вслед отъезжающей в новую жизнь семье. А что поделаешь?

Мотья тогда в платье Василюнину вцепилась и чуть не плача кричит ей:

– Куда ж вы его бросаете? Он же сгинет!

Та усмехнулась своими красивыми глазами и стряхнула Мотьянины руки, будто пыль:

– На кой он, старый, в городе? Туда и дорога.

Раньше в сказках девочка об этом читала, а теперь сама увидела, что и в жизни так бывает, что лицом человек молод и красив, а душа у него чёрная, как трясина болотная. С плачем прибежала внучка к бабке Марье:

– Давай Трезорку возьмём! Бросили его. Как он один-то?

– Куда ж его? – вздохнула бабка. – Бобик вон есть у нас.

– А мы его к Бобику возьмём! У меня пусть под кроватью спят! Я их кормить буду и гулять.

– Ладно уж, – согласилась бабка, – негоже стариков да друзей в беде оставлять! – протянула руку к псу. – Иди уж! Нашенский теперь будешь.

Трезор поднял седеющую морду, изучающе посмотрел бабке Марье в глаза и осторожно, понурившись, подошёл. Залезли Мотья с Трезором в кузов грузовика, обняла она его лохматую шею, Бобик понимающе притулился с другого

бока, и тронулись. Катились они в городскую свою судьбину, не отпуская взглядом загрустивший утиный пруд, словно опасались, что прикроешь на миг глаза и разом сморгнёшь близкую сердцу прошлую жизнь. И это уже навсегда. Покуда родной посёлок не скрылся за поворотом, глядел пёс на него, не отрываясь. И Мотьке казалось, что в глазах его стоят слёзы.

2

А по осени пора приспела Мотьке в пятый класс идти. Только на школьном автобусе добраться не пришлось, потому как сам посёлок к школе переехал. Приколола девчонка к волосам большой белый бант. «Школа новая, жизнь новая, городская, в классе дети новые. Надо же всем понравиться! Куда без красоты?» Представлялось ей, что входит она в сказочное королевство, где всё по-другому будет. Если в начальных классах так интересно было, то дальше-то и подавно!

Встала Мотька в ряд с новым классом на первой линейке, огляделась по сторонам. У девчонок всех – стрижки да причёски модные, а с бантиком – ни одной! Мальчишка рядом ещё пальцем у виска покрутил. Загрустила: будто оказалась она на балу, там все девочки в туфельках хрустальных, как Золушки, а её угораздило притопать в бабкиных чоботах. «А и побежишь потом, башмак потеряв, разве ж искать станут? Нипочём не станут. Кого найдёшь в такой-то обуви?»

В классе все расселись за парты, кто с кем хотел (давно ведь знакомы). Поселковые тоже не спешили с ней садиться, так что досталась Мотьке самая последняя парта, где какая-то девочка одна была. Та презрительно взглянула на её бантик и отодвинулась.

Пышнотелая классная, звали её Людмила Филипповна, выкликала ребят по имени, знакомилась. Как дошла до Мотьки, запнулась слегка, поправила высокую шишку, но потом бодро произнесла:

– Матильда Кравцова. – И оглядела класс.

Никто не откликнулся. Все заинтересованно озирались. Мотька тоже повернулась, но за спиной была только стенка.

Наконец до неё дошло, что зовут её.

– Я это, – пролепетала она.

– А почему не отзываешься, когда слышишь свою фамилию? – строго поправила очки Липповна (так девочке запомнилось её имя).

– Дык Мотька она, – выкрикнул Вовка, – все так и зовут.

– А ты помолчи! – оборвала его классная. Тонкие губы её вытянулись в нитку.

После она сказала, что будет вести у них математику, и решила проверить знания, оставшиеся после лета. Считать Мотька, конечно, научилась и знала, что вместе пальцев будет десять, а если десять таких человек собрать да пальцы у всех посчитать, то целых сто наберётся, а ещё цифрами не только пальцы, но и всё что угодно назвать можно. Не понимала только, как людей штуками считают? Они ведь разные.

Тут дети уже таблицу умножения применяли. Девочка слышала о ней от Натальи Семёновны, но так и не освоила.

– Кравцова, – обратилась к ней Липповна. – Сколько будет дважды два? – И на доске написала.

– Не знаю, – пролепетала Мотька, разглядывая цифры и букву «х» между ними.

– Ну вот если ты один раз возьмёшь двойку? – Липповна положила перед ней карточку с цифрой.

Девочка взяла её и уверенно ответила:

– Двойка.

Учительница радостно продолжила:

– А если ты её два раза возьмёшь?

Мотька напряжённо оглядела парту и, не найдя другой карточки, пожалала плечами:

– Дык нету. Где ж я её возьму?

– Вот дура! – засмеялись в классе.

Учительница поджала губы и заставила всех замолчать.

– Надо усерднее учиться, Кравцова!

Математика представлялась Мотьке чем-то невообразимым. «Разве же можно складывать буквы и цифры да ещё получать при этом другие цифры? А как из двух букв цифры получаются – совсем непонятно! Как представить себе, что приходит богатырь к Змею или к Идолицу Поганому, а оно ему вместо загадок уравнение задаёт?! Ни один бы не выжил. Слава богу, хоть мечкладенец для этого есть! Только Липповну никакой меч не возьмёт!»

Английский – и совсем лес дремучий! Другие дети его со второго класса учили, а в посёлке такого не было. Бормочут как-то по-иному – ничего не разберёшь, но красиво! Посадили поселковых в подгруппу отстающих, чтобы к концу года «выравнять». Англичанка молодая да весёлая попалась. Мотьке сразу понравилась.

Девочка очень старалась. Бабка Марья только хмыкала, когда внучка по-басурмански лепетала. Однажды тему «семья» проходили. Англичанка спросила:

– What is your grandmother's name?

Мотья гордо ответила:

– Бабку-то? Мэри...

Раньше, бывало, таскала Мотья в школу игрушки, ребятам показать, а теперь перестала. «Неинтересно никому!» И про сказки любимые не поговоришь с одноклассниками, смеются только. Девчонки дружить с ней не хотели. К чему им эта деревенская простушка? Ни игрушек у неё, ни платьев модных. Даже фенечки на руке нет. Куда уж тут?

«Ну очень красивые фенечки! Бисеринки так и блестят!» – Мотья украдкой погладила пальцем чудесный браслетик у соседки по парте.

Та сразу отдернула руку:

– Порвёшь ещё!

Однажды на уроке технологии, труда, значит, попросили девочки Ольгу Петровну (учителку) показать, как фенечки плести. У той в кабинете даже разные игрушки, из бисера плетённые, стояли: птички, цветы, и олешек был, ногами бусинными поблёскивал. Но самый большой восторг вызвало у Мотьи дерево счастья. Уж каких только бусинок там не было? Как жар горело!

– А фенечки что? – сказала Ольга Петровна. – Это ж самое лёгкое.

Принесли девочки лесу тонкую да бисер и давай простейший узор набирать. Не у всех получалось. У Мотьи как-то сразу пошло.

– Ручки у тебя какие умные да сноровистые! – похвалила Ольга Петровна, погладив девочку по головке. – Ну-ка, а вот этот узор попробуй!

Дала она Мотье картинку и свой бисер, а талантливая ученица и тут справилась. И принесла внучка домой свою заслуженную пятёрку. Вот деды обрадовались! С тех пор стали труды у Мотьи самым любимым уроком. После занятий частенько к Ольге Петровне забегала. Можно сказать, нашли друг друга. Учительница на окончание первой четверти Мотье книжку про узоры да игрушки из бисера подарила.

Бабка Марья, на цену глянув, только головой покачала:

– Дорогая! Небось у твоей училки-то у самой зарплата не больно жирная?!

– Добрая она! – отвечала Мотья. – Помочь мне хочет. Может, она – моя фея-крёстная? Ну, как у Золушки, была?

– Да ну тебя, сказочница! – махнула рукой бабка.

А дед Гаврила с каждой пенсии понемногу бисера внучке подкупал. Узоры из книжки девочка давно плести выучилась, а всё картинки какие-то новые в голову лезут.

– Ну чисто тетёха! – усмеялась со скрытой гордостью бабка Марья. – А вдруг чего путного из неё выйдет?!

Стала Мотья новые узоры придумывать, каких ни у кого не было, да ещё Ольга Петровна научила её в интернете искать. В школе были компьютеры, дома-то, понятно, нет. И появилась у девочки такая фенечка, что одноклассницы и не выдывали. И так красиво подобрала она цвета для узора, что загляденье! Не заметить такое было невозможно! Сначала фенечка приковала завистливый взгляд соседки, а потом – и остальных.

– Где купила? – ткнули они пальцем.

– Не покупала я, – удивилась Мотья.

– Да украла, не иначе? – ухмыльнулась красавица класса Маша. – Откуда у неё деньги?

– Я не краду, – обиделась рукодельница. – Сама сделала.

Подивились девчонки.

– Ну да! Вечно она к Ольге бегаёт. Там и научилась, – сказала соседка по парте. – А подари!

– Не могу, – ответила Мотья. – К руке она привязана.

– А мне сделаешь? – деловито начала соседка, заранее готовая к отказу и нападкам на новенькую.

– Могу, – просто ответила та. – Только бисер свой носи! У меня нету.

Так и сделала Мотья свою первую вещицу для других. Вскоре все девчонки кинулись к ней с подобными просьбами.

Только Маша, поправив локон, бросила:

– Очень надо! Вы все как штамповки будете, а мама мне по каталогу заказывает.

На самом деле для каждой девочки мастерица придумывала свой уникальный рисунок. «Неужто можно одинаково рядить? Люди-то все отличные от соседей. У каждого – свой цвет и узор».

Девчонки принесут бисер, красивый да яркий, и давай описывать, какую фенечку им хотелось бы. Мотья слушает, смекает, иногда подправит или ещё интересней предложит. Очень одноклассницам Мотьины украшения нравились, а остатки бисера они ей взять разрешали за работу. И не то чтобы подружились девчонки

с этой странной рукодельницей, но приняли её. У Мотьки скопилась целая коллекция бисера. И сделалась она модным мастером в школе, даже из других классов приходили, и старшеклассницы нет-нет да и принесут рисунок диковинный и материалы.

Наконец и заносчивая Маша подошла. Теперь-то не зазорно:

– А можешь серёжки сделать, вот, как на картинке?

Присмотрелась Мотья:

– Отчего же нет? Неси, из чего плести, и фурнитуру.

(Это слово она в интернете вычитала.)

– А бусы к ним? – засомневалась Маша. – Там же не только бисер, ещё и камни?

– Ничем они от бусинок не отличаются, – уверенно заявила Мотья. – Если всё есть, то делаю.

Маша на следующий же день принесла ей пакетик с разными мешочками: и леса, и зажимы всякие металлические, бисер серебристый и покрупнее бусины, молочно-розовые.

– Розовый кварц называется, – пояснила Маша. – Смотри не потеряй!

С увлечением работала Мотья над новой задачей. Это всегда интереснее. Маша как примерила, так и ахнула. Да только ничего заказчица Мотье за работу не дала.

На следующий день явилась в школу высокая красивая дама, одета как Хозяйка Медной горы. Глаз не оторвать! Подошла она к классной:

– Мне бы с Матильдой поговорить.

– Нет у нас такой, – удивилась Липповна.

– Мотей её дети называют, – пояснила дама.

– Хм... Подумать только! – ухмыльнулась Липповна. – Мотькой-дурочкой её все зовут.

– Зачем вы так о ребёнке? – укоризненно посмотрела на неё дама.

– Натворила чего? – перевела разговор учительница, всегда готовая карать нерадивых за проступки.

– Нет. Поблагодарить её хотела.

Недовольная классная заглянула в кабинет:

– Кравцова, иди! Тебя.

Потупившись, та вышла в коридор. «Наверное, ругать будут», – хотя она не помнила за что. Девочка безмолвно последовала за Хозяйкой Медной горы.

– Меня зовут Инга Владимировна, – представилась красавица. – Я Машина мама. Хотела извиниться за дочь.

– Да чего там! – пожалала плечами Мотья.

– Нет. Маша не права. Ты ей такую красоту сделала, а она даже «спасибо» не сказала! Я слышала, девочки тебе за работу остатки материалов отдадут?

– Ну да, – помялась Мотья.

– Вот, возьми, пожалуйста, – протянула ей капроновый мешочек Хозяйка Медной горы. Гладкий такой, держать приятно.

– Что это? – спросила Мотья, разглядывая молочно-розовые шарики.

– Розовый кварц. Он же тебе понравился?

– А вам не жалко? – брови девочки взлетели вверх.

– Такой мастерице? Нисколько! – лукаво улыбнулась Инга Владимировна. – Скажи, Матильда, а ты с драгоценными камнями работаешь?

– С самоцветами?

«Точно, Хозяйка», – мелькнула у девочки мысль.

Мотья с минуту изучала изящное кольцо.

– Могу. Только материалы ваши.

– Безусловно, – кивнула Хозяйка. – А сколько берёшь за работу?

– Денег? – не поняла Мотья. – Это вы с бабкой Марьей говорите. Она деньгами ведаёт.

Вечером к ним домой пожаловала гостья.

70 Бабка чуть не села на пол от неожиданности, увидев на пороге незнакомую даму в богатой шубе. Хозяйка медной горы представилась.

– Мотья! Что у тебя за дела завелись? – кликнула бабка.

– Инга Владимировна просила ей бусики красивые сделать.

– Ох! Подведёшь ты меня под монастырь!

– Она добро людям делает, Мария Петровна! За что вы её?

– А мне бусинки чудесные подарили! – похвасталась внучка.

– Эх! Дорогие, небось?

– Не дороже денег, – успокоила гостья. – Я к вам по делу.

– Ну, проходите в дом.

– Мария Петровна, – заговорила гостья за чаем, – я по поводу работы вашей внучки.

– Какой ещё работы? Мотья, – крикнула она в коридор.

Девочка, потупившись, встала в дверях кухни.

– Очень красивый комплект Матильда для Маши сделала! Руки у неё золотые.

– Эт да, – усмехнулась бабка Марья, – головкой только Господь обидел. Да ваша Маша-то вроде Мотью не жалуёт?!

– У меня уже состоялся серьёзный разговор с дочерью. Она больше не станет обижать Матильду. Я попросила вашу внучку сделать украшение для меня. Разумеется, все камни и фурнитура мои. Остаётся вопрос оплаты. Сколько вы хотите за работу?

– А Мотька чего говорит?

– Она посоветовала это с вами обсудить.

– Да я, – растерялась бабка Марья, – признаться, никогда торговлей-то не занималась.

– Вас устроят три тысячи?

– Так много?

– Все не много, – успокоила её Инга Владимировна.

– Ну ладно, – согласилась бабка, – деньги в хозяйстве не лишние.

– Вот материалы, – протянула она бабке мешочки с камнями и прочими мелочами.

У той аж глаза на лоб полезли:

– Драгоценные?

– Да. Сапфиры и жемчуг, а здесь леска и серебряные крепления.

– Смотри, Мотька, не потеряй! – погрозила пальцем бабка Марья.

Договорились, что заказчица придёт за работой через неделю.

– Эвона! – почесала бабка в затылке, закрыв дверь за гостьей. – Нежданно-негаданно. Кто ж такая?

– Бабка Марья! Это ж Хозяйка Медной горы приходила, – как прописную истину втолковывала ей девочка. – Она всегда мастеров так проверяет. Ты только меня ей насовсем не отдавай!

Ровно через семь дней всё было готово. Работа восхитила Ингу Владимировну. Вышло даже лучше, чем на картинке. Мотька проявила фантазию, добавив кое-что от себя.

Рассчиталась Хозяйка честно и спросила:

– Можно к вам иногда заказчиков отправлять, если соберутся?

Бабка пожалала плечами, так и не в силах осознать, что её Мотька заработала денег для семейного бюджета. Инга Владимировна записала их домашний телефон.

– Вот моя визитка. Не стесняйтесь, звоните, если что понадобится!

Бабка прочитала: «Боровская Инга Владимировна. Адвокат».

С тех пор сначала по одной, а потом всё больше потянулись заказчицы к ним в дом. Имя Матильда было на слуху у здешних модниц.

Мотькины занятия «технологией» тоже продвигались. Девочка стала серьёзной и рассудительной. Вовка, видя, как одноклассница зачистила в этот кабинет, однажды пошутил: «Труд сделал из обезьяны человека». Мотька не обижалась. Её мягкий, незлобивый характер в конце концов если не дорожку, то дырочку проковырял в местное общество. И она, подобно ручейку, влилась в него. К ней любой мог обратиться с просьбой, и Мотька без всякого высокомерия помогала, а девочкам подсказывала, как лучше сшить, сготовить – всё по домоводству. У неё была редкая особенность – с каждым общаться на равных, несмотря на свою с ними несхожесть. Младшие к ней тянулись, а старшие не обижались: «Не от мира сего, да и только!».

Любимым занятием для Мотьки по-прежнему оставалось бисероплетение. Изрядно она в этом поднаторела, даже свои приёмы выработала.

Ольга Петровна однажды предложила:

– А давай на конкурс работу сделаем?

– Какой ещё конкурс? – не поняла та.

– Там разные дети свои поделки показывают, а потом лучшие комиссия выбирает, – объяснила наставница.

– А комиссия – это мастера и мастерицы? – уточнила Мотька.

– Нет, – растерялась Ольга Петровна, – начальники в основном и спонсоры.

– Купцы, значит, – уяснила девочка. – Как же они решать могут, кто лучше?

– Не знаю, – честно призналась учительница, – но призы хорошие дают.

– Давайте попробуем! – согласилась Мотька.

Подарки она любила. Было в них что-то от Деда Мороза, что-то от фей: вот живёт хороший человек (бедный обычно) и чего-то страстно желает, а тут ему – раз и благословение за его добро!

– Нужно решить, что делать будем, так, чтобы обратить на себя внимание.

– Зачем? – непонимающе пожалала плечами девочка. – Делать нужно, чтобы людям красота была!

Ольга Петровна давно привыкла к Мотькиным странностям. «Пусть себе! Все они такие, богом поцелованные. Как приёмник диковинный: идёт через него поток энергии неизвестно откуда, превращается во что-то чудесное, а самого чудиком делает. У каждого влияния есть побоч-

ный эффект. Зато без таких людей и чудес не было бы».

Наставница показывала Мотьке разные картинки фигурок из бисера, но та сказала:

– Зачем делать то, что уже есть? Давайте сами придумаем!

– Что, например?

– А вот, – девочка достала альбом и цветные карандаши и споро нарисовала.

– Жар-птица? – удивилась Ольга Петровна. – Как же это мне в голову не пришло? Надо чертёж нарисовать!

– Не надо, – мотнула головой ученица, – этого довольно. Знаю, как сделать. Есть две трудности.

– Какие?

– Материалов таких у меня нет. Много бисера разного, цветного и прозрачного, понадобится.

– Это школа обеспечит, – пообещала учительница.

– Только вместе покупать пойдём, – настояла Мотька. – Сама выберу.

– А ещё? – вспомнив о второй проблеме, спросила Ольга Петровна.

– Не знаю, как такое сделать, чтоб она светилась, птица-то? – наморщила лобик Мотька. – Она ведь жар-птица, а не петух какой-то!

Задумалась наставница. Тут взгляд её упал на светильник из оптоволоконна в углу кабинета.

– Смотри!

Она включила его, и тот как давай переливаться!

– Разные цвета, конечно, не получатся, но подсветку с батарейкой сделать можно.

– Разные и не надо, – ответила мастерица, изучающе глядя на диковинку. – Тогда птицу из прозрачного бисера плести придётся, а она и так должна красивой быть.

На том и остановились: включить в поделку оптоволоконно и сделать светильник.

Мотька работала вдохновенно, иногда подолгу рассматривая отдельные бисеринки на просвет, подбирая верные сочетания. Наблюдая за ней, Ольга Петровна порой представляла себе уральскую мастерицу, создающую диковинные поделки из самоцветов.

Наконец птица была готова. Чудо как хороша получилась! Даже без подсветки похожа была на фигурки из драгоценных камней. Сама директриса школы приходила посмотреть. А как включили свет да птица занялась волшебными пере-

ливами, начальница так и ахнула: «Непреренно на конкурс надо выставлять! Наверное, и на об-ласть выйдет».

По первому полугодю в новой школе состоялось родительское собрание. Бабка Марья тоже пошла. Тем более Липповна в дневнике Мотькином особое приглашение написала.

Обычные вопросы: какие мероприятия, куда сдать деньги и, конечно, успеваемость. По словам классной, в общем учились неплохо, и новые, поселковые ребята влились вполне сносно, если не считать Кравцовой. По всем предметам, кроме трудов, оценки были между двойкой и тройкой. Педагоги жалели её, натягивали троечку. Трудовичка сильно хвалила: «Пусть себе, окончит девять классов – и в училище!» Но Липповна стояла на своём: «По математике сейчас и в перспективе – глухая два». После собрания задержала она бабку Марью:

– Хотела с вами серьёзно поговорить о Моте, Мария Петровна, – начала классная.

– Слушаю, – ответила та.

– Девочка она прилежная и работающая, но для нашей школы не подходит.

– Чего это? – удивилась бабка Марья.

– По всем предметам программу не тянет, а дальше только хуже будет, – с нажимом продолжила Липповна.

– В начальных-то классах – тянула, – нашла бабка. – Читать умеет и считает.

– И всё! – подвела итог Липповна. – На большее она не способна. Это показало прошедшее полугодие.

– И чего теперь?

– А то, что нужно переводить её в специнтернат. Там и программа попроще, на таких рассчитанная.

– На каких это? – обиделась бабка.

– Глупая она у вас! – прямо заявила классная.

– Не семи пядей, конечно, – парировала бабка, – но это не повод отправлять её в школу для дураков!

– Вы не кипятитесь! – гнула своё учительница. – Там хорошо кормят. Живут они на полном гособеспечении. Присмотр опять же. А к вам в гости по выходным приходиться будет.

– Ещё чего?! – совсем рассердилась бабка. – Всегда девка в семье росла. Лучше ей так!

– Может быть. Но вы уже немолоды, неспособны, как надо, воспитать.

– Конечно, всяк сироту обидеть норовит, – ответила бабка. – Будет в общей школе учиться!

– Да она же мне все показатели портит! – хлопнула по столу Липповна. – Вы понимаете, что из-за вашей внучки меня даже по зарплате наказывают?!

– Вот оно что! – подбоченилась бабка. – Из-за своих шкурных интересов ребёнка в дурдом запереть!

– В общем, так, – заключила классная, – доведу до вашего сведения, что буду ставить вопрос перед педсоветом. Вызовем районную комиссию и решим. Да, ещё сообщим в опеку, что ребёнка недолжным образом воспитывают, – пригрозила она. – Пусть государство заботится!

Мрачнее тучи вернулась бабка Марья домой, обняла Мотьку и ничего ей не сказала. Только с тех пор пригорюнились деды.

Людмила Филипповна женщина была упрямая. По её настоянию созвали педсовет, где она поставила вопрос ребром: «Доколе мы будем терпеть умственно отсталую ученицу в нормальной школе? Показатели по успеваемости падают. Всех назад тащит! Первая же комиссия нас «зарубит!» Учителя в общем терпимо к Мотьке относились: «Тихая. Никому не мешает. Учится себе помаленьку. Дальше девятого всё равно не пойдёт. Нарисуем тройки – и ладно!» Ольга Петровна заступилась, что талантливого ребёнка гнобят. А есть ещё те, кто после основной школы в худучилище пойдут. Они тоже не очень учатся. Директриса только плечами пожимала.

Липповна на работе слыла вредной, и с ней предпочитали не связываться. Никто даже не возмущался, когда она через голову начальства в районную комиссию обратилась, чтобы признать Мотьку умственно неполноценной, да ещё «опеку» на дедов напустила, что «недолжным образом воспитание проводится». Надавила на клапаны знакомств, так что система была запущена. Директриса, конечно, высказала своё недовольство объявившейся комиссией, но тем всё и ограничилось. Так уж повелось, что у злых людей рука руку моет и пачкает заодно, а хорошие – они всегда тихие да покорные.

После новогодних каникул в школу пожаловали чиновники из РОНО: три увядающие женщины, равномерно заплывшие жирком, в трикотажных платьях одинаково мрачной расцветки.

Глаза-жуки зыркали исподлобья, требовательно-обвиняюще. Попав в их угол обстрела, люди невольно поёживались, будто правда были в чём-то виноваты. Обменявшись понимающим взглядом, они грузным шагом проследовали в директорскую. Злорадно усмехнувшись про себя, классная привела Мотьку.

– Иди, Кравцова! – в её голосе уже звучала будущая победа.

Мотька робко просунулась в дверь. Сначала комиссия просто беседовала с девочкой. Та, ёрзая на стуле, отвечала. Разве можно оставаться спокойной, когда тебя изучающе сверлят три пары глаз?

Проверяющие, сочтя общее развитие ребёнка вполне нормальным, приступили к тестам по предметам. Литературу Мотька знала неплохо, в истории порой путалась, но канву учебника излагала сносно, писала довольно грамотно, но в математике, конечно, завязла.

– Вот, – радостно указала Липповна. – Я вам говорила, совершенно неспособна!

– Но это всего один предмет, остальное – в пределах нормы. Математика – ваша недоработка, Людмила Филипповна! Дотягивайте до тройки, а после девятого – в училище!

– Я же вам говорила, – вмешалась директриса, – вполне нормальная ученица.

– Она же очень слабая! – настаивала Липповна.

– А мало ли таких по школе?

– Давайте отпустим ребёнка! – заключили посетительницы.

Липповна затаила злобу: «Как могли знакомые чиновницы не признать её правоты?!»

– Как классный руководитель, я не могла не довести до сведения службы опеки, в каких условиях воспитывается ребёнок! – ядовито процедила Липповна директрисе. – Умственно отсталую сироту растят безграмотные старики! Я не могу в этой ситуации молчать!

Вскоре бабка Марья отпирала дверь другой комиссии. Три тётки с мышинной пытливостью расползлись по всему дому, засовывая свой нос в каждый угол и всё высматривая. «Где комната ребенка?» «Покажите её вещи и книги!» «Откройте холодильник!» «Занимается ли девочка дополнительно?»

– Простенько живёте, – сказала одна тётка.

– Откуда ж деньги? – пожалала плечами бабка Марья.

73

– Надо больше заниматься развитием ребёнка, – вставила другая.

– Будем решать! – заключила третья.

– Чего решать? – не поняла бабка Марья.

– Известно чего, – ответили тётки, – изымать будем Матильду Кравцову, двенадцати лет, в специнтернат.

– Кто ж вам даст? – возмутилась бабка.

– А кто помешает? – ответили тётки, уже привычные к статусу «гласа судьбы».

Дед Гаврила сразу сказал жене:

– Собирай баб!

Поселковые, прослышав, что ожидает Мотьку и может грозить их детям «ввиду отсталости», сбежали во двор быстро. Видно, не успели ещё «совсем городскими» сделаться.

Одна Василинина мать сказала:

– А чего? То, что Мотька дурочка, все знают. Пусть и учится с такими же!

Бабы возмутились:

– Ты чего говоришь-то, Валька? А если б твою дочку забирали?

– Она у меня удачная получилась: умная да красивая, – подбоченилась мать. – А у этой – ни того, ни другого, и родителей нет, чтоб смотреть за ней, как надобно.

– Что ж теперь? И заступиться некому? – закричали бабы. – Ежели мы своих отдавать станем энтим городским, то, глядишь, и детей у нас не останется. Стыдись, Валька! – наехали на соседку бабы. – У Марьи с Гаврилой одна отрада – Мотька! Кто им ещё поможет в старости?

4

Когда забирать Мотьку пожаловала чиновница из опеки, бабка Марья ту и на порог не пустила. Через дверь сказала, чтобы шла восвояси. Визитёрша долго возмущалась на площадке, так что соседи повыглядывали, потом стала звонить начальству. После краткого разговора мстительно заметила:

– Ну ждите теперь неприятностей!

Кликнули соседки других баб. Раньше, бывало, в прошлой их жизни, случись что, посёлок разом сбежится. Так всем миром и решали, как беду отвести. И сейчас мгновенно заполнился, загудел поселковый колодец. Известно, вместе любая горесть не так страшна.

– Они ж, поди, ментов позвали?!

– Да, завсегда так делают, чтоб силы больше. Известно, если ОМОН-то ихний приедет, то на энтон стороне и правда!

– ОМОН-то зачем? Мы чего, с ружьями?

– Ты чего говоришь? Кака така правда? То сила! Не одно и то же! Вишь?

– Наша правда! Не отдадим Мотьку!

– Ты, Марья, внучку из школы-то заведи да дома поддержи! Не ровен час, поспеют и тебя не спросят!

С последнего урока бабка Мотьку вызвала, вроде как по срочному делу, и домой отвела.

– Чего ты? – удивилась Мотька. – Какое ещё дело?

– Идём! Дома скажу!

Стоило внучку в квартире запереть, как приставы заявили. Бабка строго наказала:

– Ты, Мотька, здесь сиди! Никуда не ходи! Забрать тебя хотят плохие люди.

– А тут поди не заберут?

– Не-е. Мы с бабами не пустим!

– Я буду, как Рапунцель, в башне сидеть?

– Во-во, – ответила бабка, – косу кому пошло не спускай!

– Не буду! – обещала внучка.

«Да кака там коса», – про себя добавила бабка.

Приставы, размахивая бумажкой, потребовали пропустить их к Мотьке именем закона.

– Нету такого закона, – настаивали бабы во дворе. – Чтобы сирот забижать да от живых родственников заирать!

– А ты чего рот-то раззявила, Марья? – вспомнила Танька. – Говорила ж, что знакомая у вас есть, адвокатша. Визитку показывала ещё. Звони давай! Не откажет, поди?

– Точно, – спохватилась бабка Марья. – Вот дура старая! Совсем из головы вылетело.

Во весь опор взбежала она по лестнице. Дед Гаврила сидел с Мотькой в гостиной, как на последнем рубеже обороны.

– Гаврила! Где визитка у нас Ингина? – запыхавшись, с порога крикнула жена.

– Да вот, Марьюшка! – протянул он ей заветный прямоугольник.

– Ты чего это за грудь держишься? – походя спросила она.

– Давит что-то, – тяжело вздохнул дед, – должно, к погоде.

– А-а, – протянула бабка и давай набирать номер Инги Владимировны.

В двух словах обрисовав ситуацию, бабка получила ответ:

– Через пятнадцать минут буду.

Несмотря на усилия приставов пробиться к двери подъезда, бабы стояли на своём твёрдо. Тут и мужики с работы подтянулись:

– Всё одно, теперь оштрафуют за противодействие властям, так что за правду стоять не обидно.

Себе на подмогу приставы и полицию вызвали. Так ведь и бывает: бабка – за дедку, дедка – за репку... А мы против них – одни-одинешёнки!

– Ох, чую, Марья, не выстоять нам, ежели ОМОН позовут! – сказал Колька. – Что мы против оружия сможем?

– погоди ты! Всего-то минут пять – десять продержаться надо! – убеждённо ответила соседка.

Когда уж совсем поселковых теснить стали, во двор въехала дорогая машина.

– Прекратите этот беспредел! – раздался уверенный голос. – Я представляю интересы несовершеннолетней Матильды Кравцовой.

Похоже, в органах Ингу Владимировну знали не понаслышке. После краткого разговора вся правоохранительная братия собралась и дружно исчезла.

Чиновница из опеки попробовала возразить, но в ответ получила:

– Если хотите, можем встретиться в суде. Но, особенно в свете недавно принятого закона «О создании доступной среды в образовании», 75 имейте в виду, вы проиграете!

Мотькина клиентка предстала перед бабкой Марьей в полном блеске «боевой славы». Раньше она не верила, что адвокаты способны помочь, а тем более станут стараться для людей бедных за бесплатно. Но тут она увидела, как, почти не прилагая усилий, работает настоящий профессионал.

– Даже не знаю, как вас благодарить, Инга Владимировна! Можно сказать, жизнь спасли нам и, главное, Мотьке.

– Не стоит благодарности, Мария Петровна. Для детей – ничего не жалко. Тем более мне и делать ничего не пришлось.

– А в школе нам как поступить? Людмила Филипповна Мотьку со свету сживёт теперь.

– Этим я займусь. Не волнуйтесь! Больше она вас не побеспокоит.

Наконец, утомлённая и в то же время гордая бабка Марья отправилась домой. С порога почувствовала: что-то не так.

Мотька сидела на диване, положив голову деда себе на колени, нежно гладила по волосам и приговаривала:

– Деда! Ты только глаза не закрывай! Не спи! Тот тяжело дышал, держался за грудь.

– Что с тобой, Гаврила? – испугалась жена.

– Должно, помираю я, Марьюшка!

– И думать не смей! Я сейчас скорую вызову. Ответили быстро, что машина выезжает.

А бабка Марья опустила на пол подле мужа и говорила с ним, говорила:

– Ты, Гаврилушка, потерпи чуток! Сейчас доктор приедет.

– Нет, Марьюшка! Видать, пора мне к дочке отправляться. Силы покидают.

– Деда! – трясла его за плечо Мотька. – А кому я сказки читать стану, как ты уйдёшь?

– Ты, Мотька, сказки не бросай! Станешь их читать, и я с тобой буду.

– А где?

– В книжке твоей, должно, – посмотрел он на свою семью в последний раз. – Берегите друг дружку, девочки! И не поминайте лихом!

Скорая не успела. В тот день поняла Мотька, что счастья слишком много на одного человека свалиться не может. Её злым людям не отдали, а дед Гаврила их покинул. Видать, за это. Всегда приходится чем-то платить. Так и бывает: или дудочка, или кувшинчик.

Деда хоронили целым посёлком. Два поселковых дома пока крепко вместе держались. Всем миром горевали.

Прохожие, разглядывая длинную процессию, спрашивали:

– Начальника большого хоронят?

– Нет, – отвечали, – добрый человек помер.

Дома сидели рядом: бабка Марья да Мотька, обе – в тёмных платьях.

– Бабка Марья, – спросила Мотька, – а дед Гаврила насовсем ушёл?

– Насовсем.

– Куда ж он от нас?

– Должно, мамка твоя позвала.

– Она же без него вона сколько была! Зачем?

– Затосковала, видать.

– А мы тоже к ней пойдём?

– Когда-нибудь пойдём, – бесцветным голосом ответила бабка.

– Ты, – наставляла внучка, – ежели мамка моя позовёт, без меня не ходи! Как я одна-то? Им там вдвоём неплохо.

– Куда ж я от тебя? – обняла её бабка.

Слово Инга Владимировна сдержала. Мотьку больше не беспокоила Липповна. После раз-

говора с адвокатом директриса, вооружённая новыми знаниями, собрала педсовет на тему: «Создание доступной среды в образовании» и особо подчеркнула «некорректные действия отдельных педагогов», за которые администрация теперь вправе наказывать.

А в марте в школу сообщили, что Мотыка и её «Жар-птица» победили в областном конкурсе. Девочку вместе с наставницей вызвали в центр для награждения. Оттуда они привезли замечательную новость: Мотыка стала стипендиатом в губернаторской программе «Молодые таланты».

Директриса так обрадовалась, что в её учреждении теперь тоже есть своя знаменитость, что указала всем терпимее относиться к этой ученице. Больше с оценками у Мотыки проблем не возникало. А от губернатора получила она в подарок компьютер.

5

Ах, как пахнут в июне травы, полные кипучей силой! А цветов на лугу – словно чудесный венок на голове юной красавицы. И небесный купол так перенасыщен солнцем, что, кажется, светится сам по себе. Бродят молодые соки в крови, взрываясь шариками «Поппинг Боба» в лимонаде.

После всех экзаменов девятый класс Василины выехал за город. Сама она диво как хороша стала: массивная русая коса до пояса, глаза что васильки, а свежесть губ будто просит поцелуя, высоко вздымается девичья грудь, скрывая сокровенную тайну.

– Я тебя люблю, Василина! – прошептал ей на ушко симпатичный одноклассник, прогуливаясь с ней в рощице. – Ты же знаешь!

– Знаю, Лёвка, – отвечала красавица, – и что нам с этим делать?

– Как совершеннолетними станем, поженимся, – пожал плечами парень.

– А мамка не заругает? – усомнилась девушка.

Родители Лёвки богатые были. Отец – генеральный директор банка. Скажет: не по чину.

– Чего это? – удивился он. – У будущего банкира жена должна быть красивая. – Поправил модную чёлку.

– Так-то оно так, – сдвинула чёрные, как смоль, брови Василина. – Да мало ли красавицумниц, к тому же из хорошей семьи?

– Нет, – покачал головой княжич. – Ты – одна такая, моя Василина Прекрасная!

– Эх, – вздохнула девушка, – была бы Премудрая, не водилась бы с тобой!

– Помолчи, – Лёвка закрыл ей рот поцелуем.

Как же сладко целоваться с любимым, особенно когда всё впервые! А вокруг бушует, разгорается лето, и впереди ещё множество спокойного времени, когда природа излучает счастье. И ты вдыхаешь эти пряные волны и надышаться не можешь. И нет рядом того, кто мог бы сказать: «Стой! Нельзя!» И поцелуй так настойчиво нежны, что не остановиться. И два юных тела, избаваясь от одежды, замрут на мгновение перед робким «не надо» и упоённо сольются воедино, утонут в кипучей зелени. И нет ни осуждающих глаз, ни сторожких чужих шагов, а есть только щебечущий лес, да цветущий луг, да согретый солнцем июнь.

Василинина мать с недоверием отнеслась к встречам дочери с сыночком банкира.

– Смотри, Васька! Не по плечу осинку рубишь!

– Ну что ты, мама? – упрекала та. – Разве сама всегда не говорила, что дочь твоя большего достойна, чем прочие поселковые?

– Оно так, да что родители его скажут? Девку-простушку привёл, породу портить?

– С чего это портить? – возмутилась, забросив косу за спину, дочь. – Дети у меня красивые будут.

– А им иное важнее. Деньги! – настаивала мать.

– Вот поженимся с Лёвкой, и стану я богатая.

– Смотри! – погрозила мать. – Соблюдай себя построже! Одна у девки ценность. Чем ещё мужика жениться заставишь?

– Опоздала ты, мама, с наставлениями! – ответила дочь.

– Да неужто? – всплеснула руками Валентина. – Ну ты подумай! Кто ж тебя теперь порченную-то возьмёт?!

– Mam! Не те сейчас времена. Мало кто замуж непочотой выходит, – отмахнулась Василина.

– Неправда, Васька! Времена-то меняются, да люди всё одни. А если богатой жизни хочешь, так умнее быть надо! Ты хоть не беременная у меня?

– Откуда я знаю? – пожала плечами та.

На следующий день потащила мать Василину к врачу. Повезло по первости! И стала она учить дочку, как делать, чтоб ребёнка у неё не вышло. А Лёвкины родители, как узнали

о планах сына жениться на деревенщине, так и послали его в другой город, от греха подальше.

– Говорила я тебе, не ко двору ты им! – припомнила мать. – Впредь умнее будешь!

В тот день в первый, а может, и в последний раз плакала Василина по своей несложившейся любви. Но реки пересыхают, а девичьи слёзы – и подавно.

А город окрест поселковых домов развивался, отстраивался. Решил муниципалитет подарок и этим своим жителям сделать, построить что-нибудь нужное. Деньги, правда, только на один объект нашлись. Выбирать, стало быть! А что нужнее? Клуб, кинотеатр, детсад или баня? От клуба давно отвыкли. Кино и не было. Детей по ближайшим садам растолкали – вроде и ни к чему новый. А по бане селяне тосковали! Раньше-то у каждого своя была. Разве отмоешься в этом белом корыте под названием «ванна»? Ни тебе отпариться, ни веником похлестаться, ни отваром трав каких на печку брызнуть (от простуды полезно). Даже на субботники выходили, чтоб поскорее построить. Окупились баня скоро – каждый, как на праздник, раз в неделю туда мыться ходил.

Мотька с бабкой Марьей тоже по пятницам чистоту наводили. Даром, что ли, летом Мотька веники ломала, чтоб в бане не тратиться? Бывало, кликнут бабы друг друга (все ж знакомые) – и айда париться! Вот тебе и клуб, сплетни разные обсуждать!

Мотька тем временем в подростковую пору вошла. Интересно ей и послушать, и посмотреть, как бабы взрослые устроены. У самой-то красота пока не выросла. Нет-нет да и кинет взгляд украдкой на чьи-то плавные формы. Неприлично же прямо наготу рассматривать, да и бабка Марья скажет, срам один! В бане-то – не срам, а чистоты ради, но всё одно – интересно!

В Мотькиных фантазиях сказочные героини всё более обретали очертания банных товаров. Строгая матушка или добрая крёстная часто походила на пышнотелую, но уже тронутую увяданием бабку Марью. Злая мачеха была непременно видом, как Василинкина мать: яркая, статная и чуть мосластая. Нагота самой Василины неизменно очаровывала Мотьку. Густые русые пряди мягко ниспадали на покатые плечи, струились далее по гладкой спине. Кожа красавицы отливала золотом лёгкого загара. Казалось, если коснуться её, то руки станут

светиться этим сиянием невыразимой красоты и юности. Виделось сказочнице, как один из её любимых героев – то принц далёкой страны, то мужественный богатырь – ласкает это тело, и крупные ладони рисуют его контуры, будто создавая их из воздуха и света, а губы касаются родинки под высокой полной грудью, вдыхая сквозь неё жизнь. Она боязливо ёжилась, чтоб бабка Марья ненароком не подсмотрела её мысли.

Как же Мотьке хотелось быть похожей на Василину! Она напоминала девочке работы древних мастеров, виденные в интернете. Когда стояла под тугими струями воды с довольной полуулыбкой, Василина становилась Авророй. Когда томно дремала на кушетке, превращалась в Венеру на отдыхе. А ногти на ногах, выкрашенные алым лаком, сияли, словно опавшие лепестки диковинных цветов.

Мотька даже намазала свои ногти красной акварелью, чтобы красиво было, да забыла и пол мыть взялась. Намокли пальцы, краска и потекла. Бабка Марья, как увидела, перепугалась, что у внучки кровь из-под ногтей сочится. А узнала, так давай её бранить:

– Тьфу-ты, дурища бестолковая! Чуть не уморила совсем! Иди смой срам этот!

Грустно иногда Мотьке становилось. Что Василина ни сделай – красота выходит, а что Мотька – одна несусветица!

Василину то и дело сопровождали разные кавалеры. Долго она с ними не встречалась. Как переборчивая невеста, придирчиво оценивала каждого и расставалась без сожаления. Вовка Сенчуков даром, что пацан ещё, и тот на красу её запал. Пытался даже портфель ей до дома донести. Но Василина его, конечно, высмеяла. «Куда ж ты, Вовка? Малой ещё за мной увязываться! Подрасти хоть сначала!» Мотька точно знала, появятся и новые поклонники, потому что кому нужна красота женщины, если нет восхищённого взгляда?!

Образ «мужчины» был для девочки пока очень размытым, словно смотришь сквозь залитое дождями стекло: то спокойный и величественный, подобный зимнему сну, то торопливо наброшенный яркими мазками осени. Мечтательница иногда накладывала лица Василининых кавалеров на свою жизнь, будто аппликацию делала. С тоской наблюдала за их ухаживаниями, но нет, не её это мужчины! Ей казалось, что когда придёт пора и она из гадкого утёнка превратится в пре-

красного лебедя, возникнет Он, её Мужчина, властно притянет за плечи, и тогда мощным электрическим разрядом пробежит по всему её телу незримая молния. И скрытые окошки и дверцы в душе спящей царевны разом откроются, и она станет совсем другой. Лёгкая дрожь, скользкая по спине при этой мысли, – лишь отголосок грядущего прикосновения.

2. «ЭТО ТЫ!»

1

Унеслось, улетело детство лёгким ветерком. Не вернёшь прошлой беззаботности, сколько ни пытайся. Впереди – новая, непростая жизнь, а былое забудь, переверни страницу!

Окончив школу, Василина поступила в институт и покинула уютный дворик меж двух поселковых домов. Мать специально отправила её в другой город, подальше от привычной атмосферы. «Что ей здесь ловить среди поселковых-то?» Цветку, чтобы приобрести иные свойства, нужно сменить почву. Мало ли таких, вырванных с корнями, неплохо приживаются на новом месте? А иных так и носит по белу свету неприкаянным перекати-полем.

Валентина часто наставляла дочку реже вспоминать своё происхождение в чужом присутствии, если хочет, чтобы в новом обществе приняли да деревней не дразнили, и напоминала: «Хочешь жить дорого, не отдавайся задёшево!» Девочкой Василина была одарённой и материны премудрости к делу приспособила, так что в институте прослыла умницей, красавицей и неприступной крепостью. Всякие там «нищерброды» близко к ней подойти не решались. А она внимательно присматривалась к своему окружению. Домой ездила нечасто, только на каникулы.

С матерью обсуждали знакомых парней. Та слушала и качала головой:

– Нет, Васька! Жди! Будет ещё твой шанс.

И шанс представился. В том городе, где училась девушка, проводили конкурс красоты. А чего не показать себя, если есть чем других за пояс заткнуть? Там красавица и встретила Эдика. Не бог весть какой: лысоватый, с пивным пузиком – на принца никак не тянет. Однако при деньгах! Что ещё нужно мужчине для привлекательности?

Когда Василина вместе с другими девушками дефилировала по сцене, молчаливый мужчина из-за стола жюри суровым взглядом неотступно

следовал за ней. Количество участниц дальнейших этапов сокращалось, но Василина продвигалась всё дальше. Другие члены жюри постоянно совещались, а этот только провожал её глазами, покусывая свой «паркер». В финале выяснилось, что молчаливый господин и есть самый главный. Василина с замиранием сердца ждала, что вот сейчас её отчислят за шаг до призёрства, но имя её так и не прозвучало. И она уже стоит в центре с двумя другими красавицами, понимая, что вице-мисс точно станет. А этот странный безмолвный мужчина поднимается на подиум с короной. Всё происходит медленно, как в тумане. Его руки возлагают драгоценный венец на голову победительницы, и это её голова. Почему, когда наступает твой звёздный час, ты не в силах осознать, до дна испить чашу триумфа?

Эдик подал ей визитку с волшебными словами: «Президент компании». Остальное Ваську не интересовало. Она поняла, что этот маленький прямоугольник – её счастливый билет в сказку. А после события развивались, как в передачах про олигархов, много раз виденных по телевизору. Он звонил каждый день, засыпал её букетами, её, девочку, больше привычную к цветущим лугам. Он присылал за ней машину, иногда и сам приезжал в ней, и они вместе отправлялись на выставки, презентации, приёмы – в те пафосные места, куда прочим деревенским дорога, даже в воображении, заказана. Эдик дарил ей украшения, о которых она дотол и мечтать не могла. Василина принимала их как должное, ведь именно так пристало вести себя королеве красоты. Достойной женщине нужна дорогая оправа.

Состояние своё Эдик, как и многие современные бизнесмены, нажил в девяностые. Так уж сложилось, когда одни считают последние копейки, чуть с голода не помирают, думая, что вот он, конец света, другим открывается бескрайнее пространство вариантов. Но лихая юность прошла, пообтесалась, распахала бандитские ужимки по карманам дорогого костюма, и пожалуй-ста – уважаемый гражданин средних лет.

Однажды после вечеринки Эдик предложил ей зайти на чашечку кофе. Конечно, она знала, что из этого вытекает, немаленькая. Не то чтобы ей этого хотелось, но у каждой игры – свои правила. Богатый мужик не станет долго платить за пустышку. И она согласилась, будто следуя заведённому ритуалу.

Его поцелуи ничем в ней не отозвались. Ну и что? Дорогая женщина во всем должна быть

на высоте! И она старалась, отрабатывая своё право на пребывание в сказке. А когда он заснул, Василина долго и тупо рассматривала тени на потолке, не в силах избавиться от доселе неизведанной щемящей тоски.

– Смотри, Васька! – наставляла мать в один из приездов. – Держи своего принца крепче!

– Какой уж там принц? – махнула рукой дочь.

– Ну король козырной, – поправилась мать. –

Он ведь – нарасхват! Любая рада забрать будет.

– Куда уж крепче? – возразила дочь. – Почитай год вместе живём.

– А всё ж таки не жена. Подводи его к этому мягко, по-кошачьи!

– Зачем ему жениться? – вздохнула Василина. – И так всё у него есть.

– Ребёнка роди!

– Кого, мама, и когда дети держали? Может, и тогда не женится. Да и не хочу я детей пока!

– Ну гляди! – пожалала плечами мать. – Возьми от него побольше, пока не бросил!

– Скажешь тоже! – усмехнулась та. – Любит он меня.

– А ты?

– А мне необязательно, – опустила глаза Василина. – Много ль мне любовь дала? Попользовался – и был таков.

Однажды в поселковом дворе шикарная машина объявилась. Из распахнутой дверцы выпорхнула Василина в чудесной белой шубке. Поселковые сбегались посмотреть или по окнам повыглядывали. Шутка ли?! Васька местная в этой карете подъехала. Ну чисто королевишна!

– Глянь! – ткнула пухлым пальцем Танька. – Васька-то ишь пристроилась! За богатого!

– Оно и понятно, – ответили ей бабы, – всегда в ту сторону глядела. Задёшево её поди возьми! Знакомиться с тещей пожаловали.

– Вишь, Мотька, – сказала бабка Марья, – Василисы-то только за принцев замуж выходят.

– Разве принц? – пожалала плечами Мотька при виде пузатого стареющего человечка в дорогом костюме. За ним следовали два мрачных типа. – Вон и стражники его. Знать, боится чего-то.

– А кто он? – продолжала бабка Марья. – И машина какая! Золота да иных богатств небось не счесть. Счастливая Васька!

– То несчастье её! – сказала огорчённая Мотька. – Разве не видишь? За Кощея идёт. Он только над златом и чахнет, а живая душа для него – ничто!

– Скажешь тоже! – отмахнулась бабка. – Поженятся да и заживут ладком. Всё у нее будет. Чем не счастье?

– Кроме любви. Смотри! В нём искорки живой не осталось! Глаза совсем пустые да тяжёлые, ровно каменюги, и холодно с ним, и страшно. Разве добро таким бывает?

Уезжала Василина, в новую, роскошную жизнь уезжала. Шикарное авто навсегда увозило красавицу. Тут мечтай не мечтай – не воротишь. Поселковые своими делами занялись. Чего на богатых-то зариться? И только нескладный подросток долго и горестно провожал глазами чужую машину, уносящую от него мечту.

На торжество, известно, никого из поселковых не позвали. «У Эдика свой круг, – пояснила Василина. – Не ко двору деревенские».

Сходили вместе с матерью в бутик, ей наряд на торжество купить.

– Эдик сказал одеть тебя поприличней. И не вздумай на свадьбе ни с кем о моём прошлом говорить! Ни к чему это! – наставляла Василина. – Я началась на конкурсе красоты.

– А как же наша жизнь? – озадаченно пробормотала мать.

– Её никогда и не было, – бесцветным голосом процитировала будущего мужа дочь.

Свадьба Эдика и Василины происходила по законам жанра. В пафосном ресторане длинные столы под белыми кружевными скатертями манили гостей невероятными яствами. Вышколенные официанты стояли поодаль, готовые по первому зову исполнить любую прихоть гостей. Приглашённые прибывали парами. Среди них можно было увидеть самых известных лиц города. Богатые подарки создавали атмосферу грядущего счастья самой прекрасной из невест. Наверное, так она себе и представляла собственную свадьбу. Только вот жених был не тот, что в картине её идеальной жизни, и гости чужие (ни одного знакомого или друга). Она прочно вошла в обиход существования Эдика, оставив своё позади, а с ним – мать, сиротливо сидящую на дальнем конце стола. Она старалась не думать об этом, не оглядываться.

Как говорят буддисты, если хочешь, чтобы тебя что-то вошло, будь пустым! И она была пуста до сквозняков, гуляющих во всех уголках её бесприютной души, до покинутого дома, до звенящей стужи космического вакуума.

– Ты счастлив? – спросила она мужа.

– Я доволен, – небрежно бросил он.

– А меня ты любишь? – она с тенью надежды взглядывалась в его холодные глаза.

– К чему этот разговор, дорогая? – обнял он её. – Каждый из нас получил, что искал: ты – деньги, я – красивую жену. Правила соблюдены.

«Конкурс красоты был смотринами!» – открылась ей жестокая правда, которую она до сих пор от самой себя скрывала, – будто ушат ледяной воды на неё вылили. Она вспомнила, как полуголые девочки ходили по сцене; словно лошади, выплясывали перед жюри, чтобы, как им казалось, получить заветный пропуск в модельное агентство. На поверку это было всего лишь фантиком, а по правде: он выбирал себе на базаре самую резвую кобылку. «Всё продаётся, – поёжилась невеста. – Даже ты!» В этот момент жёних, будто ответив на её мысли, окинул довольным взглядом своё приобретение.

– А вот это украшение – подарок от нас, – поклонилась очередная пара незнакомых гостей. – Пусть новый модный бренд принесёт удачу чудесной невесте и порадует хозяина!

Василина машинально взглянула на логотип. Золотое тиснение на коробке вспыхнуло именем: «Матильда».

2

А дела у Мотьки с бабушкой Марьей благодаря Инге Владимировне действительно шли. Заказы поступали без простоев, даже из столицы гости стали наезжать. Тогда имя «Матильда» и вызолотилось дорогим тиснением, чтоб солидней выглядело! Инга после того как помогла организовать фирму, сотрудничала с ними, получая немалую зарплату. Бабушка Марья с Мотькой не жаловались. Им на жизнь хватало, а без такого вёрткого и хваткого человека ничего бы у них не вышло.

После выставки Мотькиной коллекции в столице привезли они оттуда несколько выгодных контрактов, и стала «Матильда» модным брендом. Никто и предположить не мог, что создаёт всю эту красоту нелепая девочка, которая замкнулась в своём мире и вряд ли когда его покинет. В фирму пришлось нанять ещё мастериц для работы по Мотькиным эскизам. Авторские же украшения уходили за очень хорошие деньги. Тем временем Мотька окончила училище народных промыслов, где от неё требовались умелые руки, а что у неё в голове – никого не волновало.

Так они и жили да по пятницам в баню ходили. Только Василины более не встречали.

– А сказка-то у Васьки с Эдиком её сложилась. А ты говорила! Глядишь, и детки скоро пойдут...

– Не может с Кощеем быть счастья! – мотнула головой внучка.

– Видать, не всё в жизни по сказкам-то пишется, – пожалала плечами бабушка.

– Ты же знаешь, – объясняла Мотька, – «сказка – ложь, да в ней намёк...» Известно, сказки ещё правильно толковать надо.

– Это как? – не поняла бабушка.

– Ну не всё, что кажется, так и есть, – развивала мысль внучка. – Кто знает, как оно в конце обернётся?

Раз понадобилось бабушке Марье раньше из бани уйти, а Мотька только добралась туда. Вот допоздна и засиделась. Всё одно, до десяти вечера баня работает. Успеет и помыться, и волосы высушить.

– Ты давай только сразу домой, как поможешься! – наказала бабушка. – Нигде не задерживайся! Волноваться буду.

Мотька кивнула в ответ. Как всегда, бросила взгляд на банных товаров, про себя выдумывая их истории. Завораживало её женское тело. Думалось: «Вот бы создать картину такую из бисера да бусинку к бусинке подобрать! Чтобы как живая женщина получилась! А сверху непременно чтобы вода лилась. Красота!» Мотька словно бы слышала журчание незримых струй, видела чудесное белое тело юной купальщицы, плавными изгибами освещавшее всю сцену.

Мечтательница вдруг открыла глаза. Перед ней стояло отражение девушки в зеркале. Тело её, смуглое, светившееся изнутри каким-то необъяснимым сиянием, ничуть не уступало своим очертаниями купальщице из фантазий мастерицы. Волосы, пусть не золотистые, густыми каштановыми волнами обрисовывали линии покатых плеч, обнимали округлые груди. А ведь она, Мотька, гадкий утёнок, выросла и стоит себе перед зеркалом изящным чёрным лебедем. И кто сказал, что только белые птицы прекрасны?!

– Бабы-ы! – раздался из-за двери мужской голос. – Оделись там? Время подходит.

Мотька не откликнулась. Не получив ответа, банщик толкнул дверь.

Кривой Колька с недавних пор работал в бане. Из-за повреждённого в детстве глаза на

приличное место устроиться не мог. Кто ж возьмёт такого Бармалея? С личной жизнью тоже не складывалось, хоть было ему двадцать два года. Если со здорового бока поглядеть – вполне ничего себе, и душа у него добрая. А всё одно: девки в его сторону не смотрели. Отчаялся уже половинку свою сыскать. Так и прижился Кривой Колька в бане. Кому есть дело до обслуживающего персонала, особенно если попусту не маячит?

Дверь распахнулась, а Мотья так и стояла перед зеркалом неодетая. «Можно, конечно, метнуться к платью и прикрыться какой-нибудь тряпкой, но ведь стыдно: мужчина смотрит, а ты голая! Потом на посёлке засмеют. Опять скажут, у Мотьи не как у людей!»

Где-то прочитала она, что если в баню вдруг вошёл мужчина, то какое место ни прикрой, а так и останешься голой. В той истории девка взяла да и заслонила лицо руками. Ну стоит голая баба, а кто – неведомо! Так Мотья и поступила. Прижала ладони к лицу крепче да ещё зажмурилась для верности, и голоса решила не подавать, чтоб остаться неузнанной. «Походит-походит да и уйдёт».

Со стороны двери отдёрнулась занавеска. Потянуло сквозняком. Мотья поёжилась, но не двинулась с места, словно статуя, застыла. Вошедший замер на пороге, завидев её, потоптался на месте в нерешительности. После шага двинулись к ней. Он оглядывал её с головы до ног. Мужчина стоял рядом, и она чувствовала его частое дыхание. Тронув её за плечо, он произнёс: «Ты, может, оденешься?»

Она молчала, продолжая стоять. «Время уже! – сделал он ещё одну робкую попытку вернуть нежданное происшествие в нормальное русло. Ответа не последовало. – Ну, как хочешь!»

Колька мог бы, наверное, уйти, но разве отвернёшься запросто от такой юной красоты? Она не отвечает, не кричит, не убегает, просто молчит – и есть в этом затаённом молчании своё очарование. Когда Колька тронул её за плечо, рука его ощутила нежную шелковистость девичьей кожи. Она будто излучала сияние, и пальцы, казалось, начинали светиться от прикосновения. «А вдруг эта девушка – единственная, с кем ему суждено быть? Разве можно отказаться от близости с таким чудесным существом?»

Мужская рука была тёплой и чуть шершавой. Мотье неожиданно захотелось, чтобы он коснул-

ся её ещё. Она плотнее прижала к лицу ладони. «Будь что будет! Пусть только он её не узнает! А сама она никому про эту встречу не скажет».

Мужчина и не думал уходить. Бесконечно долгий миг он молчал, разглядывая её. Потом тяжело перевёл дух: «Какая ты красивая!» Его руки снова легли Мотье на плечи, сначала робко, потом всё более по-хозяйски сжимая их, он привлёк девушку к себе. Чуть раздвинув её ладони, он коснулся её губ, настойчиво заставляя ответить на поцелуй. И она поддалась. А руки его скользили далее по её телу, накрыв собой упругие груди, чуть сжав их, гладили её живот, бёдра, касаясь самого сокровенного. Мотья немало стыдилась, но это новое ощущение было таким чудесным, что она не в силах была прервать вдруг замедливший своё течение сон.

Колька старался быть нежным со странной девушкой, не обидеть, не спугнуть. «Вдруг она исчезнет так же неожиданно, как появилась? Пусть это будет всего раз в его жизни! Пусть никогда после ни одна женщина не согласится разделить ложе с таким уродом! Сейчас девушка не видит его, а значит, может лишь чувствовать. И для неё он станет лучшим из мужчин!» И она несмело прильнула к нему с застенчивой простотой невинности, впервые доверившей себя мужчине.

Он осторожно перенёс её на кушетку, где бабы отдыхали после парной, постелил там её полотенце. Девушка по-прежнему скрывала лицо ладонями, но так было даже уютнее, ведь она не могла его рассмотреть.

В сильных руках мужчины смутный образ, давно рисовавшийся в сознании Мотьи, обрёл голос, и плоть, и запах, налился теплом, теперь властно ворвавшимся в неё. Неведомое чувство, словно горячий ветер, перевернуло всё её существо, её детскую жизнь, до сих пор обставленную ученической мебелью и игрушками. Что-то неуловимое чудилось в воздухе, входящем в её лёгкие. Этот воздух был его дыханием, и сама она теперь дышала по-другому.

Когда всё закончилось, в мозгу Кольки мелькнула шальная мысль: «Если б это могло повториться!». Он прильнул губами к её руке, словно благодарил девушку за проведённые вместе мгновения. На запястье вспыхнула небольшая родинка в форме звёздочки. «Как красиво! – подумалось ему, но следом пришло сожаление. – И это проходит». Девушка продолжала молчать, скрывая лицо ладонями.

Колька горько вздохнул:

– Конечно. Ты не хочешь меня видеть или чтоб я мог узнать тебя. Не бойся! О нашем свидании никто не узнает. Я не болтливый, – ещё раз взглянув на свою случайную возлюбленную, он сказал. – Не стану тебя смущать. Одевайся спокойно. Я не смотрю.

Мотья какое-то время лежала на кушетке, не отнимая рук от лица, прислушиваясь к шагам Мужчины, к своим внутренним ощущениям. Тело ещё хранило Его тепло, что так приятно было чувствовать в себе. «Но действительно, пора идти. Бабка Марья, наверное, потеряла её и места себе не находит». Мотья быстро натянула свитер, джинсы и ветровку. Чтобы Он её не разглядел, решила спрятаться поглубже в капюшон и рукавом прикрыть лицо. Полумрак вокруг, и пробежит она быстро.

Осторожно спустившись с лестницы, девушка выглянула из-за поворота. Он сидел спиной к выходу. Видимо, чтобы «её не смущать», как он сказал. Светлые, слегка вьющиеся волосы топорщились на затылке. «Погладить бы этот холок, – подумалось Мотье. – И тогда Мужчина перестанет грустить». Отчего-то он казался ей очень несчастным, да и самой уходить не хотелось. Он сгорбил спину и даже втянул голову в плечи. «Не старый, – решила Мотья. – Такой большой и могучий, как богатырь. Только не любит его никто, вот и согнула тоска». Она кралась по ступеням. Его напряжённая спина будто смотрела и слушала. Ему так хотелось обернуться и взглянуть ей в глаза, а она боялась, что он обернётся. Наконец торопливые шаги простучали по коридорчику к двери, словно за плотной шторой, скрывшись за грохотом проливного дождя. «Осень наступает», – горько вздохнул Колька и отправился запирать дверь.

С тех пор образ прекрасной купальщицы настолько прочно угнездился в голове Мотьи, что ни о чём больше думать она не могла. Так и представляла себе, как сказочная дева поворачивается, повторяя плавные изгибы водяных струй. Вот она проводит рукой по волосам. Светится, переливается всё её тело. «Где его очертания переходят в воду? Не разобрать. Может, она и есть вода? А ещё где-то там, в глубине, скрывается Он, её Мужчина. Пока не разобрать лица, но ясно угадывается его присутствие. Может, Она существует только потому, что есть Он?»

Мотья повсюду собирала бусинки, рассматривала их на просвет, раскладывала по коро-

бочкам. Каждому творению надо дать срок взреть. Даже если ты в мельчайших деталях видишь его в своей голове, может статься, не всё готово к его появлению. Иметь терпение так же важно для мастера, как и навыки созидания. Мотья давно это поняла. Поэтому порой надолго задумывалась, любовалась будущим творением, копила силы.

– Мотья! Спишь, что ли? – толкнула её бабка Марья. – Работы не меряно, а она ворон ловит!

– Что? – очнулась та.

– Бледная ты чего-то, говорю. Нездорова никак?

– Да вроде всё хорошо.

– Дык делом займись! За эскизы-то не бралась ещё. Люди в мастерской ждут. Садись уже за работу! – бабка Марья пощупала внучкин лоб. – Нет, правда, зелёная просто! Есть плохо стала.

Мотья и сама замечала в себе какие-то изменения. «Может, оттого, что перестала быть маленькой девочкой? Наверное, у взрослых баб так бывает. Василина тоже изменилась, как с мужчинами встречаться стала. Интересно, как было у неё? – представила себе Мотья, и сладкое тепло непрошеной волной разлилось по телу. – Какой он, Мотькин мужчина?» Она до сих пор слышала его голос, ощущала прикосновение, хранила в памяти его запах. Только образ по-прежнему оставался безликим. Им мог оказаться любой. Да нужно ли ей это знать? Ведь так таинственной. Мотья звала его просто – Мужчина.

А Василина жила в одиноком богатом «тереме». Наверное, так и выглядит счастье, когда поймаешь свою жар-птицу. Да только не хватает чего-то. Уже задумывалась о ребёнке. От нечего делать чего не подумается? И Эдик всё настойчивей намекал. Но, видно, дети от любви рождаются, а не от изобилия. Вот и не дал Господь. Да и сомнения случались у жены местного олигарха: «Родишь, а отец возьмёт да и отберёт. Не бывало такого разве? И к чему ей ребёнок, если самой не хочется и не по любви замуж шла?» Отчего-то всплыл в памяти образ одноклассника Лёвки и тот июнь, когда всё ярче было. Недаром говорят, что первый мужчина на всю жизнь накладывает отпечаток на судьбу женщины, будто ставит своё клеймо. Вот она попыталась убежать от предопределения. Удалось? А что оста-

валось? Разве был выбор? Ведь это он её бросил. Ну проплачешь красу свою, и что? Ему хуже сделаешь? Нет. А о себе самой печься надо! Вот и строила существование по кирпичику, да окна оставить забыла. И стало ей темно и холодно, так, что сил нет! Ну было пару раз со всякой мелкой сошкой: тренер по фитнесу и массажист. Только это в сердце дыру не закроет. А если муж узнает – убьёт. Сам-то тоже на работе задерживается, поди, не на совещаниях?

Она понимала, что таковы правила игры, и либо принимаешь их как есть и живёшь, либо уходишь. И она оставалась, прогибаясь под нападками мужа по поводу «невыполнения своих обязанностей», то есть рождения наследника. Старалась не посрамить, вписываться, соответствовать... А маму как давно не видела! Почитай год. Даже с днём рождения не поздравила. Как она там? Наверное, обижается? И не съездишь к ней – Эдик запретил. Отец болел – не помогла, не навестила. Хоть денег бы послала! Не даёт муж столько. Скажет: «Есть у тебя всё. А родню свою забудь! Сиротой тебя взял!» И не объяснишь, что не предательница, а жизнь так повернулась. Да и нужно ли объяснять?

3

Всю осень Мотька кисла. Бабка Марья уж не знала, что и думать. Внучка всё отнекивалась: мол, погода сырая, тяжело. Хотя дел на фирме было множество, работа у Мотьки как-то продвигалась. В хлопотах многое забывается. «Если и правда плохо, лежала бы. Она вон рук не покладает», – думала бабка Марья. Мотька рисовала эскизы для мастерской и плела свою картину.

– Чего там делаешь-то? Что твоя паучиха! – интересовалась бабка Марья. – И без эскиза. Материал, поди, попортишь?

– Потом увидишь, – отмахивалась внучка, – когда сложится всё.

Неведомая купальщица потихоньку обрела форму, следуя волнам света, изливающимся на полотно из-под пальцев мастерицы. Прикосновение Мотьки создавало новый образ, пока видимый только ей.

С первым снегом Мотьку отпустило. Недомогания как рукой сняло. Только спать хотелось очень, и аппетит неожиданно возрос.

– Эвона! – удивилась бабка Марья. – То поест не заставишь – худа, как хвоща, а то бросается – не накормишь! Этак в двери скоро не пролезешь.

Мотька только улыбалась чему-то своему с удовлетворением кошки, дремлющей на солнышке. А ближе к Новому году она вдруг почувствовала внутри необъяснимый щекоток и, приложив руку к животу, изумлённо прислушалась. Это было приятно и одновременно почему-то тревожило. С тех пор она ощущала этот щекоток регулярно, даже немного волновалась, если он не появлялся с её пробуждением. Легкий шорох становился настойчивей, словно маленькое зёрнышко, однажды пробудившись, росло и крепло с каждым днём. И девушка, ещё не зная его, уже любила.

Василина сидела в баре, потягивая «Маргариту». Эдик уехал в командировку, по его словам. Пустой дом. Прислугу отпустила. В общем, предоставлена сама себе. Можно бы маму навестить, да отвыкла как-то. Когда долго не видишь близких, поневоле всё больше их теряешь. Вот и отправилась скоротать вечерок за стойкой. Как же она устала от этого «счастливого» брака!

Позади долгие месяцы хождения по врачам, изнурительных обследований и – неопределённая резолюция: «Ждите!». Упрёки мужа, мечтавшего о наследнике. Его в принципе могла бы родить любая, но он «оказал честь» ей, а она не оправдала его чаяний. Что она такое в этом пустом и холодном доме? Красивая, но бесполезная вещь! Поговорить бы с кем-то по душам! Но подруг в новой среде обитания не завела, а в качестве наперстника – бокал с дежурным коктейлем.

Обещанная сказка выветрилась, словно сквозняком вынесло. Золушкам ведь никакой Шарль Перро не объяснил, что волшебство рождается с первым ударом курантов, когда ты спешно теряешь туфельку, и развеивается – с последним. Это может случиться после первой брачной ночи, десятой или даже сотой – никогда не знаешь, который удар отмерит последнюю каплю твоего счастья. Давно пора бы усвоить – чудес на свете не бывает!

– Василинка! Ты, что ли? – раздался голос, смутно бередящий память.

Она обернулась, хватаясь за спасительную соломинку. О, его она узнала бы из тысячи голосов!

– Лёвка?

Он стоял перед ней, раскинув руки, совсем такой же, только чуть повзрослевший.

– Как я рад! Сто лет не виделись! Как живёшь?

– Нормально, – кивнула она. – Замуж вышла.

– Удачно? – поднял бровь он.

– Говорят, да.

– Счастлива?

– Да как сказать.

– Короче, нет, – заключил он.

– А ты?

– В смысле женился? – усмехнулся он. – Дурак я, что ли? Родители хотели кого-то втюхнуть, но я свалил. Я – ветер!

– Звучит неплохо, – опустила она глаза.

Так они и провели весь вечер, болтая ни о чём, и тоска, казалось, улетучилась.

– К тебе или ко мне? – просто спросил он.

– Я не могу. Забыл? Я замужем.

– Кому это когда мешало? – фыркнул он.

– Нет, Лёвка.

– А наша любовь? Помнишь, как нам было хорошо? Не поверю, что забыла!

– Давно это всё было, в позапрошлой жизни затерялось, – вздохнула она. – Ты уехал. Я осталась. Пришлось самой что-то делать со своей жизнью.

– Раньше ты веселее была. Обновим?

«А почему бы и нет? – подумалось ей. – Что я теряю? Расстанемся здесь, сейчас, может, и не увидимся больше. Даже вспомнить нечего! Муж давно меня позабросил, так что я и не чувствую себя обязанной».

– Хорошо, – решила Василина. – К тебе.

Его руки, такие тёплые и родные, казалось, никогда не отпускали её, и не было всех бесцельных лет, где сквозняк завывал в каждом укромном закоулке её души. Не было ни вереницы никчёмных кавалеров, заполнявших пространство, ни постылого мужа с его упреками. Был только сияющий июнь, с его буйной и пышной зеленью, готовой принять юных любовников в свои объятия.

– Ну и девка! – всплеснула руками бабка Марья, заглянув в Мотькину работу. – Кака красавица! А чего голая? Опять срамотищу развела? Ох, Мотька!

– Да нет же! – отмахнулась внучка, бросив взгляд через плечо. – Купается она.

– Да ну! – прищурилась бабка. – Не может быть! С тобой навряд ли схожа.

– Скажешь тоже, – одними глазами улыбнулась Мотька.

– Какая-то ты другая стала. Взрослеешь, может, – наморщила лоб бабка Марья. – Случилось чаво?

– Кажется тебе, – отмела её сомнения внучка.

Соседка Татьяна зашла за солью. Тоже подивилась на картину Мотькину.

– Чудно! Вроде баба голая спиной стоит, а нет, – красота! Руки у тебя золотые!

А про себя вздохнула: «Счастья бы ещё!»

Мотька благодарно улыбнулась и бессознательно погладила себя по животу. Соседка озадаченно посмотрела на неё и пожала плечами.

А работа продвигалась. Серебряные струи нежно обнимали купальщицу, заставляя её сиять. Бабка Марья частенько любовалась новым произведением.

– А энтэ чего? – спросила она однажды, указав на непонятное изображение на плече и талии купальщицы. Внучка не ответила.

– Ох ты, батюшки! – дошло до неё. – Так и думала, что срам разведёшь. Мужик с ней, значит. Да как у тебя ума хватило на такое материалу столько изводить?

– Но ведь красиво! – настаивала Мотька. – А разве бывает красота без любви?

– И откуда только набралась? – возмущалась бабка. – А почему только руки на картине из темноты тянутся?

– Лица-то я и не разглядела, – огорчённо ответила Мотька.

Позже поделилась бабка Марья с соседкой, что у девки со взрослением совсем мозги набекрень пошли.

– Если б не знала, что ты за ней смотришь дённо и ночью, – ответила та, – подумала бы, что Мотька твоя брюхата, к бабке не ходи!

Она проснулась рано поутру. С чего бы? Василина обычно любила понежиться в постели. С мужем в последнее время вроде наладилось. Он не задерживался на работе, ужинал с ней. Болезненная тема нерождённого наследника словно сама собой выветрилась из их разговоров. Ей показалось даже, что этот безнадёжный брак неожиданно получил второй шанс. Их совместные ночи вернулись. У девушки почти не было возможности видаться с Лёвкой. Встречались урывками.

– Ты меня разлюбила? – обиженно спросил он как-то.

– Нет. Просто муж дома.

– Так ты у нас – многостаночница, – усмехнулся он.

– Понимаешь, супружеские обязанности... – замаялась она.

– Ну-ну, – хмыкнул молодой любовник.

А сегодня ей было не по себе. Тошнило, и вообще ощущения были как после «американских горок». Потихоньку прокралась на кухню. Сделала себе апельсиновый фреш. Желудок тут же подпрыгнул. Еле дождалась, когда проводит мужа. Прощальный поцелуй, и – пулей в аптеку. Тест дал предполагаемый, но всё же пугающий ответ. Две полоски больше не оставляли сомнения: она ждёт ребёнка. Что хуже – это радостное событие никак не связывалось с мужем.

– Лёвка! – сказала она при очередной встрече, – нам надо поговорить.

– Начало настораживает, – повернулся он на локте, поигрывая её локоном.

– Я жду ребёнка, – выпалила Василина.

– И что с того? – поднял бровь «счастливый папаша».

– Твоего ребёнка, – сделала она акцент на первом слове.

– С чего ты взяла? – отстранился Лёвка. – С мужиком своим спишь, а ребёнок, значит, от меня? За придурка держишь?

– Но, Лёвка, сроки не совпадают! – настаивала Василина. – С мужем мы вместе всего месяц, а срок уже два с половиной.

– Ну не знаю, – пожал плечами тот. – Я под это не подписывался.

– И что мне делать? – поёжилась женщина.

– Навесь приплод своему, – ухмыльнулся он. – Хотел же детей, вот и получи!

– А мы с тобой как же?

– А нам, дорогая, – погладил он её плечо, – лучше расстаться. Теперь для будущего папаша всё должно выглядеть правдоподобно.

«И зачем только она снова связалась с ним? Ведь он однажды её предал. На то и дуры, чтоб у жизни ничему не учиться!»

– Ох, не нравишься ты мне, Мотыка! – нахмурилась бабка Марья.

– А чего? – внучка продолжала работать над своей картиной.

– То не ешь ничего, то толстеешь вроде.

– Да ну! Показалось, – отмахнулась та.

– Пошли-ка к врачу! – настаивала бабка. – Тревожусь я. Одна ты у меня.

Так, буквально за руку, и отвела бабка Мотыку в больницу. После осмотра и УЗИ спросила у врача:

– Что с ней, доктор?

– Известно что, – усмехнулась та. – Случается иногда у женщин.

– То есть? – не поняла бабка.

– Ребёнок у неё будет.

– Как так?

– А вы уже забыли? Более того, скажу, что к лету правнучку ждите.

– Быть не может!

– Нормальный, здоровый ребёнок, – словно приговор подписала врач.

– Пойдём! – взяв за руку внучку, увела бабка домой будущую маму. – Ну, – подбоченилась она, – отвечай, где нагуляла, бесстыдница?

– Давно, – пожалла плечами Мотыка с глуповато-счастливой улыбкой.

– Ты не понимаешь, как к тебе все относиться станут?

– А что такого? Мы её любить будем, жить снова втроём станем. Так же веселее!

– Ой, Господи! – завела глаза к потолку бабка. – Кто ж тебя осчастливил-то?

– Мужчина, – лучилась улыбкой Мотыка.

– Вот дура!

Василина ждала мужа с работы. Нервно вздрагивала, настраивалась, чтобы выглядеть естественной. Тихий семейный ужин. Лучше зажечь свечи. Что может быть уютнее мягкого отсвета пламени, танцующего в полумраке? И голос вкрадчивее кажется, и взгляд – искреннее.

Она встретила его у дверей и сразу повлекла наверх, в располагающую обстановку гостиной. После еды муж, должно быть, находился в самом правильном настроении. Развалившись на диванных подушках, он обнимал жену, следя глазами за огнём. В его зрачках танцевали две искры.

– Любимый! Мне надо с тобой поговорить, – начала супруга.

– Я так и понял, – взгляд его потяжелел, – всё жду, когда дойдёт до самого главного.

– Не знаю, как ты к этому отнесёшься, – замялась жена.

– Ну, не тяни kota за хвост! В чём дело?

– У нас будет ребёнок, – выпалила она.

– У нас? – переспросил он после неловкой паузы.

– Ну да.

– Ты в этом уверена?

– Мне врач сказал.

– В этом я как раз не сомневаюсь, – казалось, смертоносная рептилия, наметив добычу,

неторопливо поднялась на лапы. – Только ребёнок будет у тебя, дорогая!

– Почему? – не поняла она.

– Кого ты хотела обмануть?

– Я тебя не понимаю, – захлопала она ресницами.

– Да ну? – крокодил, которого ошибочно считают медлительным, устремился к жертве огромными скачками. – Здесь, на мой взгляд, не только я поработал.

– Как ты можешь? – обиделась она.

– Неужто забыла своего любовника, Лёвку? – участь разверзлась перед Василиной неотвратимой зубастой пастью. – Тоже мне, лев! Кошак драный! Что, не нужна ему с приплодом? – наматал он на руку её длинный хвост.

Она почти не сомневалась, что этот момент легко мог стать для неё последним.

– Отпусти! – пыталась вырваться она. – С чего ты взял, что это не твой ребёнок? Мы же с тобой были каждую ночь!

– Да потому, что у меня... – капало безжалостными жгучими каплями каждое слово, – не может быть детей! Думаешь, ты одна по врачам ходила? – И отшвырнул её от себя.

Он о чём-то коротко поговорил по телефону. После бросил ей:

– Живо собирай свои манатки, и чтобы духу твоего поганого здесь не было!

– Прости меня! – простонала Василина.

– Да. Вот ещё. Я не зверь, чтобы беременную ночью на мороз выбросить, – он кинул на кровать пачку банкнот. – Снимешь номер в гостинице, а утром вали куда хочешь! Мне больше нет до тебя дела!

4

Мать давно жила одна. Отец умер, а дочка и глаз не казала. Даром, что сама мобильник матери подарила в один из забытых приездов. Так, в праздник какой ждешь, вдруг позвонит хотя бы, но дочке – недосуг. Муж у ней суровый. А что тут поделаешь? Вышла за богатого – изволь соответствовать! А мамка что? Баба деревенская. Разве её кому покажешь? Знамо, позабыть надо. К чему такая родня? Позорище одно! А нет-нет да и обидно станет. Растила-растила – и на тебе, сама негодной оказалась! И соседки стыдят её дочку да семечками облуживают. Хорохоришься, конечно, перед ними-то. Не плакаться же! А в доме закроешься, и так тоскливо делается! В один из та-

ких тёмных зимних вечеров и раздался звонок в дверь.

– Эвона! Кого это принесла нелёгкая? – Валентина как глянула в глазок на лестничную клетку, так и ахнула. – Васька! Ты как здесь?

– Вот приехала!

– Погостить никак? Давно ты о матери не вспоминала! – укорила она дочь.

– Нет, мам. Видать, насовсем.

– Эка! А мужик твой?

– Выгнал он меня, мам.

Валентина нахмурилась. Она так и загораживала собой проход.

– Али смотрела за мужиком плохо? Чем не угодила?

Дочь замялась.

– Как жилось-то сладко, о матери сердце и не всколыхнулось, а солоно стало – так к мамке на хлеб!

– Прости меня, мама! Я хотела приехать, да всё не удавалось, – потупилась Василина.

– Удача-то, она завсегда со злой судьбой об руку! – вздохнула мать. – Что стряслось-то?

– Ребёнок у меня будет, и не от него.

– Тьфу ты, Господи! – сплюнула суровая родительница.

– Примешь меня? – робко подняла на неё глаза Василина.

– Ладно уж. Хоть шалава беспутная, а своя, да ещё с дитём. Не бросать же вас, – обняла она дочь и повела на кухню.

А язык-то бабий – что ботало коровье: на цепь не посадишь, в конуру не загонишь. Тренькает себе на ветру почём зря, и всё едино ему, какую тему обзвякивать. Даром, что не первый год в городе. Для сплетен всегда завалинка найдётся. Проболталась-таки соседка Танька своей товарке, а та – дальше. Уж если живёт теперь целый посёлок одним двором, так новости, пожалуй, и скорость света перегонят. Как прознали бабы про Мотькино положение, всколыхнулась в них глубоко погребённая волна нравственности.

– Это что ж такое? Нагуляла, значит, и ходит себе королевишной?! Что деется-то, бабы?

– Да не углядела Марья. А яблочко-то уж созрело!

– И как теперь нам-то?

– А мы при чём?

– Как это при чём? Ты дальше носа-то глянь! Этак и семьи затрещат от шалавы этой!

– Кому она мешает?

– А мужики?

– Ну и чаво?

– Неужто не знаешь? Мужик – он животина неразумная: в присмотре нуждается да в стойле да чтоб хозяйку токмо подпускала. Ежели на сторону глядеть станет, так, поди, сведут?!
– Мотька-то? Она ж дурочка.

– Ну это делу не помеха! Молода да стройна, а что глупа, так мужику и лучше!

– Она ж тихая.

– Это раньше мужиков держало, что она дитё да у Марьи под приглядом. А сейчас, как один кобель огулял, так и другим – прямой путь. Она ж дурная.

– И то дело.

Бабка Марья уж не знала, куда глаза девать. Косились на неё бабы, будто на сводню какую. А Мотька, знай себе, улыбается, как блаженная, да картину свою плетёт.

– Уж не знаю, Инга Владимировна, – пожалилась она адвокатше. – Что и делать?

– А что делать? Порадоваться за внучку и ждять прибавления, – про себя улыбнулась та.

– А приличия? Грех ведь безмужней-то! Может, полицию подключить? Спортил кто, прознать?

– Нет состава преступления, – покачала головой собеседница. – На изнасилование не похоже. Значит, по взаимному согласию всё случилось.

– А совратили? – с надеждой ввернула бабка Марья.

– Матильда – совершеннолетняя.

– Но ведь дурная. Дитё дитём.

– Недееспособной её тоже не признают, – объяснила адвокатша.

– Разве ж она сама решать может?

– Перед законом она абсолютно «вменяема»: у психиатра на учёте не состояла, имеет диплом о среднем специальном образовании, по документам – не только работает, но и руководит отделом дизайна. Так что всё в порядке.

– Ох-ох-ох! – тяжело вздохнула бабка Марья.

– Да не расстраивайтесь вы! Люди смиряются. В жизни всякое бывает. Не в девятнадцатом веке обитаем.

– Легко вам говорить, – сокрушалась она. – А нам тут жить. Случись, такую же дурочку родит, что делать стану? Я-то, поди, и вырастить ещё одну не успею!

– Дай бог вам здоровья! Всё как-нибудь обойдётся, – успокаивала её Инга Владимировна. – А картина у Матильды удивительная получается!

Раз остановили бабку Марью соседки во дворе. Она как раз с Мотькой домой возвращалась.

– Вот глядишь ты за ней, глядишь, ан не досмотрела! И как ты, Марья, допустила непотребство такое?! – начала гневно тётка Дарья.

– А чего?

– С Мотькой-то. Позорище одно! – присоединилась бывшая подруга Танька.

– Обычное дело, – говорит бабка Марья. – Сами нешто не рожали? Ну про тебя я, Танька, молчу! Всю-то жизнь бобылкой!

– Дык тут без мужика нагуляла! – настаивала тётка Дарья.

– Без мужика тут, соседушка, точно не обошлось! – отшутилась бабка Марья. – А дитё, оно и есть дитё! Хоть от кого.

– Чего не настояла, чтоб избавилась? – подбоченилась Танька. – Дело нехитрое!

– Оно так, да вреда больно много. Поздно уж, да и незачем!

– Энто ему тута быть незачем! – пуще прежнего кипятилась Танька. – Подумать, дитё дурочки и незнамо кого! Идиотов плодить токмо! Заставь избавиться!

– Да побойтесь Бога, бабы! Дитё-то уж шевелится! – рассердилась бабка Марья. – Это ж не прыщ какой!

– Всё одно, ненормальный! – фыркнула Танька. – Ты чего, Валька, молчишь? Больше всех Мотьку недолюбливала.

– А тебя чего раздрает, Танька? На соседку бочку катишь! – парировала та.

– Оно и понятно! У самой-то Васька вернулась к мамке под крыло. Небось, мужику боготому обрыдла?

– А тебя колышет? – подбоченилась Валька.

– Нет, пуцай избавится Мотька, – вынесла резолюцию Танька.

Тут уж бабка Марья не выдержала.

– Ты чавой-то чужими правнуками разбрасываешься? Своё пузо нагуляешь, тогда и избавляйся! Одна, как перст, так и другим того желаешь!

– Гулять станет Мотька, как разродится, – подтвердили соседки. – Съезжали бы вы с ней куда ни то!

– Куда же? – удивилась бабка Марья. – Дом тута наш. Сами и съезжайте, коли не любо!

– Одно правда, – сказала Валька, – замуж бы Мотьку, чтоб супруг приглядывал. Ты-то, Марья, не вечная.

– Да кто её возьмёт? – презрительно усмехнулась Танька. – Ещё и с хвостом!

– Ух, и язва ты, Танька! – сплюнула бабка Марья. – А я тебя в подругах числила!

Кривой Колька в ту пору как раз шёл через двор со смены. Больно громко бабы гомонят! Окружили грузную пожилую женщину и девушку да машут руками. Что стряслось-то? Подошёл послушать. Женщина грудью заслоняла девушку. Та показалась неуловимо знакомой. Да нет! Просто почудилось! У девушки зримо выпирал живот. Ждёт малыша. А бабы всё кричали.

– Да кто её возьмёт?! – донеслось до слуха Кольки.

«А почему бы и нет? – возникло само собой решение. – Может, это и есть его судьба?»

– Я возьму, – подал он голос.

– Сбрендил! – на всём скаку выпалила Танька. – Вона пузо нагулянное!

– И что? – выставил Колька вперёд ногу, как бы наступая на неё.

– Иные не знают, как от рогов защититься, а ты сам их на лоб прилаживаешь! – стояла она в позе буквы «эф».

– Глухая ты баба! Посмотри на неё! Глаза-то совсем чистые. Какие тут рога? – он протянул руку Мотьке. – Пойдёшь за меня?

Девушка мгновение всматривалась в его глаза, потом, словно во сне, медленно вложила в его ладонь свою.

– Пойду, – ответила она.

– Вот ведь точно, – бесновалась Танька. – Урод к уроду.

Бабка Марья только руками всплеснула.

– Мотька! Да как же? Ведь не знаешь его совсем!

– У него глаза добрые, – улыбнулась внучка.

С тех пор и стали встречаться. Приходил Колька к бабке Марье на чай. По хозяйству ей помогал: то гвоздь какой прибьёт, то сумки из магазина дотащит. И вроде как появилась у Кольки семья. Тёплое что-то внутри заколыхалось. Подозрительно сначала бабка на него смотрела, а он украдкой на Мотьку поглядывал. Та сидела за столом, поглаживала растущий живот, и тихо улыбалась. И такая необъяснимая нежность к этой странной девушке и маленькому, не рождённому ещё человечку переполняла Кольку, что и не выскажешь. А ещё любил он смотреть, как её пальчики ловко с работой управлялись. Картина её бисерная притягивала его, будто сплетала их души воедино.

– Какая красивая девушка! Кто она?

Мотька в ответ пожимала плечами.

– На тебя похожа.

Она благодарно улыбалась.

– Откуда ты берёшь свои узоры?

– Они приходят ко мне, как сны. Только это не сны, а сказки. Я знаю, – пояснила она. – Я просто их рисую.

– А тот, что её обнимает... Кто он?

Снова пожимает плечами и улыбается.

Бабка Марья с недоверием иной раз наблюдала за этой необычной парой. Как бы не обидел внучку! То смотрит Мотьке через плечо на её работу, то возьмёт за руку и долго так, ласково разговаривает. А бывало, опустится перед ней на колени и ухо к животу приложит – ну чисто будущий папаша счастливый! Кто их разберёт?! А, лишь бы Мотьке хорошо!

Пожились тихо. Свадьбу не гуляли. Куда уж с таким пузом? И не было ни фаты, ни платья белого, ни гостей радостных. И кого звать, если весь до сих пор тебе известный свет на тебя же и ополчился? И не верил никто в этот брак. Бабка Марья сильно на соседок обижалась, а на Таньку – пуще всех! Новоявленной чете, казалось, и вовсе ни до кого дела не было. Только колечко золотое, что теперь на пальце красовалось, очень Мотьке приглянулось.

А как пришло Мотьке родить, Колька рядом с ней сидел, за руку держал да успокаивал. Когда скорая приехала, на руках к машине отнёс и в роддом отправился. Бабке Марье наказал дома ждать. Всю ночь та глаз не сомкнула: «Как-то там Мотька?» Под утро вернулся Колька и с порога заявил: «Дочка у нас!» Сели они с бабкой на кухне, выпили за новорождённую.

– Как назовём-то? – спросила бабка Марья.

– Может, Танюшка? – предложил Колька. – Хорошее имя.

– Ни за что, – отрезала бабка Марья. – ещё не хватало, чтоб такая же язва, как Танька-соседка, выросла!

– Мотя говорила, была у неё в школе трудовичка. Просто добрый ангел! – вспомнил он. – Как звали-то её?

– Ольга Петровна, кажись.

– Вот, – ухватился Колька. – Оленька. Ласковое такое имя, а?

– Пушай Олькой будет! Ольга Николавна, – улыбнулась бабка и впервые обняла зятя. – Звучит!

5

– Ой, не знаю, что там за семья? – кудахтала Танька во дворе. – Но Мотька – чисто квочка над своей Олькой.

– А чего ты хотела? – ответила Валька. – Девка, может, и так себе, дуроватая была, а мамка замечательная получилась! Вот и ей место сыскалось!

– А Колька-то! Ну дурень! – разорялась Танька. – Чужое семя тетёшкает, будто своё дитяtko!

– Дык принял мать, – будто наставляя, ответила Валька, – стал быть, и доча теперь его. Хороший мужик Мотьке достался!

– А твоя-то как? На сносях ведь уже! – вспомнила товарка. – Мужик-то ейный не объявился?

– Да прям! – махнула рукой будущая бабка. – Вырастим и без него. Марья, вона, Мотьку свою подняла да правнуков дождалась. Нешто мы хуже?

Кольке казалось, что, несмотря на перемены, жизнь его такой и была всегда, но будто сама себя не узнавала. Ночью, если Оленька проснётся, он встанет, укачает. Утром мать управится. Когда Мотька творила свои узоры, бабка Марья брала на себя заботу о правнучке. Возвращается Колька домой со смены, а там его ждут, радуются. Врос он в эту жизнь всей кровью. И ладно было бы, да вот настоящим мужем Мотьке он так и не стал пока. Опять же, напугать боялся.

Раз случилось Кольке на сутки в бане заступить: сначала – последний моечный день перед отключением горячей воды, потом – почистить всё да охрана. Короче, хозяин на всю баню.

Бабка Марья и говорит:

– Мотька! Что как неродная? Сходи давай, мужу поесть снеси! Голодный, поди? А я с Олькой побуду.

Как тихо становится в бане, когда все разойдутся по домам! Не гремят тазы. Не шлепают босые ноги по полу. Не гомонят по лавкам говорливые товарки. Мотька забрела в женское отделение, Кольке помочь прибраться. Странно стоять перед зеркалом снова, рассматривая себя! В прошлый раз в него гляделась невинная девушка. Будто заколдовали её, оцепенела. Потом какие-то злые чары взяли и похитили у неё почти год жизни. Открылись глаза, и снова здесь стоит, напряжённо всматриваясь в мутноватое стекло. Но отвечает ей взгляд взрослой женщины, ставшей матерью. Как всё было? Упомнишь разве? Волшебные они, зеркала-то! Недаром говорят: «Подолгу не глядись! Жизнь проглядишь!»

Колька прошёлся по всему помещению, разыскивая жену. Куда делась? Когда к жен-

скому отделению подходил, словно ёкнуло что-то. Глухая занавеска, а отдёрнешь, там неизведанное...

Мотька, как загипнотизированная, замерла перед зеркалом. И вдруг повело-потянуло Кольку к этой юной стройной фигурке. Он осторожно обнял её сзади, не оттолкнула. Зажмурилась почему-то. С закрытыми глазами повернулась и потянулась к нему. Что-то не так с этим местом! Дела необычайные творятся, воспоминания рождают. Колька осыпал Мотьку поцелуями, боясь прервать наваждение, спугнуть едва показавшееся счастье. Девушка молчала заворожённая, не открывая глаз.

Это было, пусть давно, но уже было. Тогда она боялась, что её узнают, а сейчас обнимала его и затаённо мечтала, чтоб Он узнал. Может, так случается всегда и со всеми? А для неё тот, первый, ставший невольным отцом её дочери, и этот большой и сильный человек, чьё имя звучало в её душе ласковой музыкой, слились в один неповторимый образ Её Мужчины. Она с закрытыми глазами помнила каждую чёрточку его лица: половина здоровая и светлая, а другая затемнена навсегда запечатанным глазом. Но ведь одна половинка от рождения лучится солнышком! Вот он, её Николенька-дурочок, целует свою Спящую Красавицу и шепчет: «Не бойся! Верь мне!». Она верит, только боится взглянуть. Вдруг этот миг, созданный прикосновением нежности, напитанный Его неповторимым запахом, Её ощущением тепла, что заполняет всё существо, разом отдёрнется тяжёлой шторинной, а за ней – ничего?!

Кольку, как тем давно прошедшим летом на излёте, вихрем закружило неодолимое стремление к странной девушке, что не смотрит на тебя, храня свою тайну. А потом перед глазами вспыхнула звёздочка на запястье. «Это ты!!!» – выдохнули оба одновременно.

Василина ушла в себя далеко-далеко и заблудилась там, как видно. Сначала она мучительно перебирала чётки своих воспоминаний. А было ли в её жизни что-нибудь хорошее? Всё, что сперва возникало перед нею светлыми образами, после оборачивалось предательством. Гналась она за неуловимой синей птицей, а и петуха не поймала. «Выходит, нет тебе места на вершине, Васька! Сколько ни носись с хрустальным башмачком, а вернёшься к драным тапкам. Но ведь должно быть то, ради чего живёшь! Работа? Красота эта моя окаянная? Всё не то!»

– Васька! Ты бы к акушерке сходила, – озабоченно прервала её размышления мать. – Всё ли с мальцом-то ладно?

«А и правда, – блеснула перед ней яркая искорка. – Есть для кого продолжать своё существование. Мужчины появляются, исчезают падающими звёздами, а дети остаются». Вся она теперь сосредоточилась на маленькой жизни, движение которой едва начала чувствовать. Прилежно выполняла указания врача (благо, с ребёнком полный порядок!), гуляла, поглощала витамины, которыми пичкала её Валентина. Не забывала Василина и помогать матери на кухне. «Каково матери осознавать, что единственное любимое чадо совсем её не вспоминает!» Вот и старалась как-то загладить своё прошлое небрежение. Ну да сердце матери отходчиво!

Соседки головой качали: «Совсем девки испакостились! Без мужей рожают, или те их из дому гонят с чужим приплодом. Забыли уклад деревенский. А всего-то времени прошло! Даже полностью жизнь их не влезет».

Ближе к осени вернулся из армии Вовка Сенчуков и прямиком – к Василине домой, справиться, как ей живётся за богатым мужем. А прознав Васькину историю, сказал:

– Вы как хотите, тётка Валя, а я пойду Василинку из роддома встречать!

– Зачем тебе, Володенька? – напряглась Валентина. – Не твоё ж дитё!

– Должен сына отец в дом отнести. Стал быть, я и сгожусь! – заявил Вовка.

– И что дальше? – скептически взглянула на него новоиспечённая бабка.

– Там видно будет, – как отрезал друг семьи, – а только, может, и Василине нужен буду.

– Глупый, – потрепала Валентина по щеке возмужавшего парня. – Ведь не любит она тебя!

– Разве ж это главное? – парировал Вовка. – Важно, что плечо ей сильное нужно. Вовремя я вернулся!

Василина, покидая роддом, с удивлением обнаружила рядом с матерью Вовку. Высокий стал, красивый! Стоит себе с букетом, улыбается.

– Ну, держи хлопца, папаша! – радостно вручила ему младенца нянечка.

Ничуть не смутившись, тот принял свёрток, непринуждённо чмокнув молодую маму в щёчку. Кто бы усомнился в его отцовстве? Всю дорогу

Василина молчала. Только на кухне за чаем поблагодарила:

– Выручил ты меня, Вовка!

– Да ерунда, – отмахнулся он, – обращайся!

Изменился он. Появилась в этом известном ей со школы робком и зажатом парнишке уверенная цельность, что-то ощутимо мужское.

– Ну, и как ты дальше действовать думаешь? – бросила она на него лукавый взгляд. – Перед соседями тоже будешь счастливого папашу изображать?

– Могу, коли не прогонишь! – улыбнулся он в ответ. Потом, будто тень набежала. – Да ты не волнуйся! Я сейчас уйду. Только ты, Василинка, если помощь нужна, сразу зови! Я всегда возле буду.

– Мам! Ну хоть ты посоветуй! – как на иголках ёрзала Василина.

– Что такое? – отозвалась та, укачав внука.

– Вовка замуж меня зовёт.

– К тому и шло, – пожалала плечами мать. – Что решила?

– Что тут скажешь? – накручивала Васька локон на палец. – С одной стороны, добрый он, работающий, и Вадику отец нужен. А с другой...

– И что там у тебя припасено?

– Деревенский он, простой. Богатства с ним не наживёшь. И моложе меня на четыре года.

– Это верно сказала: мальчишке батька нужен! О нём подумай! А добро, оно и к хорошим людям приходит. Много ты счастья с богатым-то видала?

– Что ж ты мне раньше голову морочила: «Богатого ищи, Васька! Задарма не отдавайся!» – нахмурилась дочь.

– Так дура была, – призналась Валентина. – Настоящую правду, её ж не сразу разглядишь!

– А возраст? – не сдавалась дочь.

– Молодая ты, Васька! Ещё очень молодая. А краса твоя до старости не увянет. Разве знаешь, кому сколь отпущено?

– А любовь? – как последний щит выставила дочь.

– И что она тебе принесла? Этот всю жизнь пылинки с тебя сдувать будет, да и ты найдёшь, за что его полюбить, – поделилась опытом мать.

– Трудно это, чтоб стерпелось да слюбилось? – во все глаза глядела Васька.

– Всяко бывает. Но только за жар-птицей гоняться – можно себя попусту растерять. Глядь – и не осталось ни капли! А журавлик твой завсегда рядышком будет.

Дождь хлестал вовсю. Последний тёплый дождь этого лета. Вода неистово вспенивалась, будто кипяток в кастрюле. Не обращая никакого внимания на разбушевавшуюся стихию, двое быстро шлёпали по лужам, взявшись за руки. Как весело вот так, ни о чём не думая, бежать под дождём, поднимая тучи мутных брызг! Небесная вода с водою земною устремляются навстречу друг другу, и душа разворачивается пёстрым покрывалом.

Мотья и Колька, радостно хохоча, мчались сквозь ливень. Укрылись под старой раскидистой берёзой. Он притянул к себе жену. Они долго целовались, и Мотья больше не закрывала глаза в страхе спугнуть чудесное мгновение ти-

шины, маленькую точку во Вселенной, где они нашли друг друга.

ЭПИЛОГ

На международной выставке всеобщее внимание привлекло необычное полотно, расшитое бисером. Прекрасная купальщица лучилась светом. Она и была сиянием. Струи воды радужным переливом обнимали её, повторяя плавные изгибы воплощённой женственности. Из темноты к ней тянулись сильные руки, будто сама ночь стремилась заключить её в объятия, навеки слиться с нею. Половину лица неизвестного возлюбленного скрывала тень, но другая была залита ярким светом. У Её Мужчины было лицо Кольки.

